

Сказки вселенной ОМ

Олег Труктанов

Серия «Кривая Будды»

Олег Труктанов

**Сказки вселенной ОМ.
Серия «Кривая Будды»**

«Издательские решения»

Труктанов О.

Сказки вселенной ОМ. Серия «Кривая Будды» / О. Труктанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518798-7

О книгах. Жизнь для каждого из нас вышивает свои узоры, которые сплетаются в общую картину мира. Вы отправитесь в путь вместе с Путешественником, который был сначала маленьким Алькой, а когда вырос, стал необыкновенным (что вообще-то случается нечасто) взрослым Таиром, оседлавшим Черепаху, чтобы заглянуть за новые, пока еще покрытые туманной дымкой горизонты миров, созданные воображением автора. По жанру «Кривую Будды» можно назвать мистической автобиографией, близкой к фэнтези.

ISBN 978-5-00-518798-7

© Труктанов О.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Введение	7
Ларец	8
Алька	9
Rarior corvo albo est3	9
Голодный маг	23
Хранитель Заботы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сказки вселенной ОМ

Серия «Кривая Будды»

Олег Труктанов

*Недеревенская магия со всеми вытекающими
последствиями для реальности и её вариантов.*

Редактор Максимова М. В.

Корректор Максимова М. В.

Иллюстратор Cai Dongdong

© Олег Труктанов, 2020

© Cai Dongdong, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-8798-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Перед вами удивительные сказки-были для тех взрослых, которые уже не помнят о том, как были детьми. Книга о самом важном: о лёгкости бытия и радости, что есть только в детстве, о смысле жизни и поисках истины. Главному герою, маленькому мальчику, подвластны время и сны. Он обладает уникальным даром, позволяющим найти ответы на вечные вопросы.

Почему «сказки, которых нет»? Потому что у каждого из нас свои сказки, которые многие просто подзабыли, и автор попытался создать книгу, позволяющую их вспомнить.

*Книга-биография
единственного первого колдуна*

Введение
***Каратам Непознаваемого – мальчишкам
и девчонкам от шести до двенадцати
лет посвящается. Сказки, которых нет.***

Алькой в детстве его прозвал дед¹, поэтому в магическую реальность он вошёл под этим именем, а ещё иногда его называли Колдуном.

В предлагаемых далее сказках все упоминаемые письменные источники и книги считать утерянными.

¹ Описано в книге «Горизонт Времени».

Ларец

Когда библиотека Ведьмы КаРы была найдена, в одном из её залов обнаружили редкой работы огромный кассоне² с книгами, на верхней панели которого было написано:

«Не открывай!»

*1. Откроешь и не возьмёшь – всё мицуешь,
но обратно не вернёшься.*

² Итал. cassone, тип деревянного сундука-лара, распространённый в Италии в средние века и эпоху Возрождения.

Алька

*Как только Будущее создано,
Следует направить в него
Предназначенное ему Прошлое.
Дуальность завершит Начатое —
Тотчас образуется Мир.*

Rarior corvo albo est³ **Сказка, которой нет**

Колдунами не становятся – ими рождаются. Но какой же колдун из маленького, почти пятилетнего пацана? Какая магия, когда вокруг сто-о-олько значительного, интересного, занимательного, что домой с улицы не дозовёшься, – только под вечер, возможно, даже и с ремнём поперёк задницы за непослушание. Жили-то в посёлке – нравы простые. Ну а уж как спать, так с ходу, «без задних ног», как говорила бабушка.

Такова обычная красота жизни маленького поселкового мальчика, все так жили. Но приходил сон, и всё менялось. Точнее, становилось на свои места в соответствии с Энергиями. А Энергий имелось через край, и они были Энергиями Колдуна от рождения.

Все дети летают во сне, летал и Алька. Он никогда не интересовался, как летают другие. Ему всегда достаточно было собственного ощущения Счастья. Полёт ли безраздельно владел Алькой или Алька – полётом, в ту пору сказать точно было невозможно. И никто не тревожил Альку во сне.

До поры до времени.

Летал он всегда над лугом, рядом с речкой под обрывом. Внутри него всегда появлялось ощущение близости дома и защищённости, что позволяло быть бесстрашным. И он взмывал вверх, парил, кувыркался, смотрел на сверкающую речку с высоты и ни о чём, совсем ни о чём не думал.

Кра-со-та.

Но все растут – рос и Алька. По чуть-чуть. А с ним и Энергии подрастали. И будили Сознание. И однажды пришла ему в голову мысль взглянуть на речку с края обрыва. Подойти и взглянуть. Прямо во сне мысль и пришла. Да и что такого? Пришла мысль – надо попробовать. Чё бояться-то? Ведь дом где-то рядом.

И Алька пошёл, не полетел, а пошёл. Но идти было почему-то тяжело и неприятно, и даже страшновато. И в животе как-то всё сжималось. Тогда Алька решил лечь на живот и подползти к краю обрыва. А там одним только глазком глянуть и сразу же откатиться кубарем обратно. Это он хитро придумал и пополз. Вот ползти было совсем не страшно, тем более что чем ближе к обрыву был Алька, тем осторожнее он полз. Наконец, приблизился край, и Алька стал выглядывать. Ни-че-го.

Вот блеснула речка. Высота-то обрыва, кажется, небольшая. Точно – невысокий обрыв и берег крутой, да не очень. Алька стал вытягивать шею и выглядывать за край, чтобы рассмотреть основание берега. Вот-вот сейчас всё рассмотрит, вот-вот будто показалось подножие обрыва с узкой полоской плоского берега. Пора откатываться, но вдруг Альку как будто приковали к земле, взгляд его не мог оторваться от границы песка и воды, а берег стал

³ Более редкий, чем белая ворона (лат.)

расти и расти, достигая невероятной высоты. Такой высоты, что Алька вдруг увидел себя на этой вершине и как-то со стороны – неизмеримо маленькой точкой на краю обрыва. Миг спустя он всё ещё ощущал себя лежащим на этом краю и смотрящим с нарастающим страхом в пропасть со сверкающей ниткой речки где-то внизу. Страх рос лавиной, Алька хотел обернуться и отползти, но тут кусок обрыва, на котором он лежал, стал потихоньку отламываться вместе с ним. Он отламывался медленно и неотвратно. По земле с обеих сторон от тела поползли две трещины. Алька пытался схватиться за траву по другую сторону трещин, но земля провалилась, трава оборвалась, и он полетел вниз, в пропасть. Алька не кричал, просто падал с нарастающей скоростью навстречу приближающейся кромке берега. И вдруг...

Проснулся Алька посреди ночи, проспав всего пару часов. Подушка была мокрой от пота. Волна страха из сна быстро опадала, а когда сошла на нет, Алька, перевернув подушку, снова уснул и проспал до утра. Снов в эту ночь больше не было.

А наутро всё привычно: обязательная пшённая каша с молоком, и – на улицу, взяв кусок хлеба с постным маслом и солью. Главное, успеть крикнуть: «Сорок один – ем один!» Иначе делиться со всем двором: «Сорок восемь – половинку просим!» Да там все с такими же кусками хлеба бегают, но важно соревнование – есть-то не так уж и охота. Алька поиграл со всеми в прятки, потом побегали в догонялки. На вечер договорились в ножички. Взрослые парни обещали всю мелюзгу взять в лапту, да вряд ли возьмут – их самих-то с двух домов полно набирается.

Но ничто не огорчало Альку: вчера соседский Игоряха научил его ловить кузнечиков и выпрашивать у них йод: «Кузнечик, кузнечик, дай мне йода». И кузнечик выплёвывал капельку йода.

Вот это чудо. И сегодня Алька был намерен полечить этим йодом царапину на ноге, которую вчера не заметили родители. И попробовать половить бабочек: он пока ни одной не поймал, а пацаны уже все похвалились. А ещё надо выследить ящерицу, живущую недалеко под кустом около школьного забора.

Планы у Альки были громадные, и в компании на сегодняшний день он не нуждался.

День пролетел. В ножички вечером заигрались, и домой, уже затемно, всех начали звать, обещая ремня. Обещание подействовало быстро: в минуту Алька был уже дома и сам умывался. Поел картошки, но уже тянуло спать. Убегался. Заснул быстро, и пришёл сон.

Словно не было вчерашнего сна. Альке после полётов снова пришла мысль взглянуть на речку с края обрыва. И он пошёл чуть легче, чем вчера, и чуть ближе, чем вчера. Ему даже подумалось на миг: «Надо ли рассматривать эту речку, ведь её сверху и так видно?» Но, зная, кому-то надо было, и берег рухнул под Алькой сразу, не осыпаясь. Открылась почти бесконечная пропасть с тонким шнурком сверкающей речки внизу, и Алька понёсся навстречу этой речке вниз головой.

Но сегодня Алька сопротивлялся. И чем ближе к кромке берега, тем сильнее нарастало желание как-то взлететь – прочь от этой неотвратимости. Вот ударил в нос запах мокрого тинного берега, мелькнули отпечатки чьих-то следов на песке, и вдруг Алька взмыл. Резко вверх. Да так взмыл, что ветер в ушах засвистел, и в мгновение ока он был выброшен так высоко, что не сразу и понял, как вокруг темно, а где-то под ним, под его животом, переливался всеми оттенками синего и голубого небольшой – с футбольный мяч – шар Земли.

И несмотря на необычность произошедшего, Алька умудрялся удерживать в себе какую-то щенячью смесь восторга и страха. Он был счастлив. Парил и дышал полной грудью,

потому что не знал ничего о безвоздушном пространстве. К тому же это его сон, и Алька был в нём хозяин.

Но усталость брала своё, и Алька стал засыпать прямо во сне.

– Вставай, соня эдакий, – услышал он голос как будто издалека.

Алька поднялся с кровати и встал на траву лужайки, откуда начинал полёты. Оглянулся с удивлением, ведь он уснул и должен проснуться. Да нет, он проснулся. Но где? Опять во сне? Сон во сне? Он опять лёг на кровать и стал проваливаться в сон, и вслед засыпающему сознанию прозвучало: «Как придут – не беги, а стой, потом – хватай и держи».

– Вставай, соня эдакий, – услышал он голос как будто издалека.

Алька открыл глаза – рядом стояла мать и будила его.

– Прспишь всё на свете, прибежали уж за тобой.

В окно начинало бить солнце, и выспавшийся Алька, отказавшись от каши, быстро и незаметно выскользнул в дверь на улицу.

Слова из сна он вспомнил днём...

Утром поиграли немного в замри-отомри. Устав бегать, сели на скамейку возле сараев недалеко от дома. Немного поспорили, кто из них жилит, а потом Вовка с Серёгой рассказали, как они подсмотрели в школьном саду парней постарше, которые за углом школьной котельной курили папиросные бычки. Было смешно, потому что Серёга схлопотал подзатыльник от заметивших его парней, а Вовка увернулся и успел сбежать. Подзатыльники младшим раздавали налево и направо все, кто постарше. Но они были не больные и не обидные, а вот увернуться от подзатыльника было предметом гордости у малышей. Всей компанией тут же заверили друг друга, что никто из них курить никогда не будет. И у всех, конечно же, перед глазами стоял в первую очередь папкин ремень, который подтверждал правдивость их слов.

Стало скучновато. Попробовали на манер старших поиграть в города, да кто из них города-то знал? Так, по памяти от взрослых – Москва, Рязань... Игра через минуту заглохла.

И тут Игоряхин старший брат Валерка вытащил из дома огромного воздушного змея. Все подбежали, начали галдеть. На шум сбежалось ещё с десятков пацанов, и все двинулись в поле за школу. Запускать змея. Алька пошёл со всеми вместе и по дороге внимательно рассмотрел конструкцию. Змей и вправду был большой, больше Альки, ромбовидный – Алька знал это слово от родителей. Ромбовидный с неравными сторонами. Две стороны покороче образовали голову, а подлиннее – тело. Сзади у змея волочился длинный хвост, сделанный из нескольких лыковых мочалок. «Мамка три мочалки дала», – с гордостью сказал Валерка. Все тихо позавидовали – такое богатство редко попадало в руки подростков. Рамка змея была сделана из тонких реек, заботливо выструганных из старых оконных штапиков, углы ромба скреплены такими же рейками крест-накрест. Снизу к змею были привязаны четыре толстые вощёные нити, сходящиеся в один узел, а от узла шла ведущая – такая же нить, аккуратно намотанная на плоскую катушку из старой фанеры. «Нитку у сапожника выпросил, метров сорок», – опять сказал Валерка, и все только вздохнули: «Повезло же Валерке!» Но зато сейчас у них есть змей, и они уже пришли на поле.

Алька был доволен: конструкцию он рассмотрел чётко и задумал, подсобрав в будущем материалов, построить своего змея, ничуть не хуже Валеркиного.

А представление уже началось. Игоряха держал змея, а Валерка, натянув ведущую нить, искал ветер. Они вдвоём недолго походили по полю, и вдруг: «Отпускай!» Змей взмыл в воздух. Его стало закручивать, но Валерка быстро и плавно стравливал нить, и змей, перестав крутиться, легко поднимался всё выше и выше, пока не стал совсем маленьким. Прочная нить натянулась и стала еле слышно гудеть.

Красотища была неопиcуемая. Восторг. Валерка стал водить рукой туда-сюда, а потом пошёл спиной вперёд против ветра, по-прежнему раскачивая нить. И змей заиграл там наверху. Сперва он парил, но неожиданно для всех стал летать восьмёркой, следуя приказу Валеркиной руки. Все замерли и через мгновение стали наперебой просить: «Валер, дай поводить, а?».

Валерка недолго покрасовался собственным превосходством, а потом со словами «только натяг не теряй» передал нить ближайшему пареньку.

Все поводили змея, а кое-кто не по одному разу.

Прошло уж часа полтора.

– Ну, хватит. Домой пора, – сказал Валерка.

А про Альку все забыли. Он хоть и был с пацанами, но всё-таки разница в возрасте – на полгода младше самого младшего. Вот его и не замечали. Тем более и змей-то Валеркин, а ему не прикажешь.

Алька уже понял, что змея ему не дадут, и, отвернувшись, прятал накатившие слёзы обиды, изображая небывалый интерес к растущей рядом ромашке. Сосед дядя Иван говорил: чтобы не плакать, надо укуcить губу или язык. Но кусать больно, поэтому Алька просто быстро проглатывал мелкие и частые комочки обиды. Это помогало не катиться слезам.

– Домой пора, – сказал Валерка. Но не стал сматывать нить, а негромко, но слышно для всех сказал: – Алька, подь сюды!

«Сюды!» – это по-взрослому. Так говорили в посёлке только своим. Слёзы появляться передумали. Алька повернулся и очень шустро подошёл к Валерке.

– Хватай и держи, – сказал тот и передал Альке гудящую тугую нить.

Алька поймал нить и чуть не выпустил – так рвал её змей. Прихватил дополнительно второй рукой, едва не упал, но Валерка быстро поддержал за воротник. Алька выставил правую ногу, упёрся, и вот уже он держит змея. Нить загудела в руках по-другому: она завибрировала и словно запела. Момент – и Алька слился со змеем на конце нити, оба стали уже одним существом. «Хватай и держи!» – пришла на память фраза из сна. И Алька держал, понимая, что если он не сдюжит, улетит не только змей. Всё его существование в мире пацанов улетит куда-то, исчезнет, и будет он никто. Алька держал, а пальцы уже резало нитью.

– Ну хорош! – выручил Валерка. Вовремя. Перехватил нить и стал сматывать. Алька, отдав её, сжал ладони в кулаки и как ни в чём не бывало стоял и смотрел на спускающегося с небес змея. Стоял уже в кругу пацанов, довольный и равный среди своих. Пять лет, а как важно не быть чужим.

Это была не дружба – это была улица.

«Хватай и держи!» – плавали в голове Альки слова Валерки и слова из сна. Алька устал и ждал, когда все, наконец, двинутся домой. После обеда позвали купаться. Мать Альку отпустила, потому что все купались в бакалке около речки Синючки. Бакалка была неглубокая, даже Альке чуть выше пояса, и вода в ней всегда тёплая. Пацаны постарше купались в речке, но кто-то всегда следил за младшими, иначе если родители узнают, то на речку не пустят всех поголовно. Такой был уговор. Алька купался с удовольствием – балакался, нырял рыбой. Потом поиграли, кто дольше задержит воздух под водой. А Санька, который постарше, из соседнего дома, научил всех, хлопая правой ладонью по воде, отбивать возникший фонтан брызг. Тут же разбились на две команды человека по три-четыре и стали забрызгивать друг друга. Поднялась целая завеса брызг, гвалт стоял невообразимый. Потом, конечно же, кто-то с кем-то поспорил, поругался и чуть не полез в драку. Эти конфликты пацаны постарше решали быстро – тут же оделись и велели всем живо собираться. Няньками никто быть не хотел. Все послушно живенько двинулись под присмотром одного из старших к дому – в наказание. Алька в споре не участвовал и был доволен. Накупался, нанырлся и научился так удачно хлопать ладонью по воде со всех сил, что поднимал мощный фонтан брызг. И у него ещё было время,

чтобы половить около сарая кузнечиков и попросить у них йода. А может, и бабочку удастся поймать.

Подошли к крыльцу, все разошлись кто куда, сопровождающий «поскакал», как говорила Алькина бабушка, «к своим на речку», а Алька заторопился выполнять задуманный план ловли насекомых.

Долго Алька был занят делом, но вот кузнечиков стало видно плохо – то ли попрятались, то ли переловил всех. «Алька! Домой!» – услышал он голос матери. Поднял голову к небу – уже темнело. Просить ещё немного погулять бесполезно. Да и в самом деле – на улице уже никого нет, и Алька помчался со всех ног к дому.

После горячей каши и тёплого чая его быстро сморило – чуть не уснул за столом. Ему едва слышно было, как мать выговаривала, что больше он допоздна гулять не будет, и вообще, в следующий раз получит ремня. Кто-то довёл его до кровати, уложил, накрыл одеялом, но Алька уснул, не чувствуя этого.

Алька провалился в сон, как всегда, быстро. И уже понимая, что он во сне, вдруг обнаружил себя не на привычной лужайке, а лежащим в своей кровати под одеялом. Вот только комната была его, да не его. Комната была какая-то серая, освещённая светом луны за окном, и двери из он не обнаруживал. То есть она где-то угадывалась, но спрятана была ближе к дальней стене, в тени от не доходившего до неё света луны.

Алька вовсе не боялся поначалу и даже просто решил снова уснуть, но за окном возникло движение, и на Альку покатился страх. Он ещё ничего не различал, но бояться начал так, что даже шевелиться ему было страшно. И вот мимо его окна снаружи пролетел огромный шар болотно-зелёного тусклого цвета. Алька видел его одновременно и за окном, и сквозь стену и вдруг стал понимать, что если этот шар посмотрит на него, на Альку, и встретится с Алькиным взглядом, то Алька тут же перестанет жить. Хотя никаких глаз у шара не наблюдалось, Альке было настолько страшно, что его почти парализовало и соображать, почему у шара нет глаз, но он может тебя увидеть, Алька уже не мог. На мгновение шар остановился и полетел обратно к окну. Алька заорал прямо во сне и...

...проснулся.

На стене тикали часы-ходики, окно было занавешено, лунный свет нежно и рассеянно пробивался сквозь занавеску, под полом бегала мышь. За стеной спали родители. Алька был у себя в комнате. Подушка намочена от пота. Сердце билось нечасто, но глубокими и мощными толчками. Страх сошёл не как в прошлый раз, а липко стёк с головы на спину, оттуда – в ноги и там, где-то в стопах струясь ушёл в пол. Алька захотел пить. Он уже не чувствовал страха. Он был у себя дома. Тихо слез с кровати так, чтобы она не скрипнула, осторожно, на цыпочках подошёл к двери в коридор, медленно приоткрыл её и просочился сквозь щель. Там, на табуретке, стояло ведро с водой, в которой плавал алюминиевый ковшик. Света в коридоре не было, но Алька даже в темноте спокойно зачерпнул ковшем воды, не задев стенок ведра, потому что делал это уже много раз. Выпил, без всплеска опустил ковш в ведро и обратным ходом вернулся в кровать. Прислушался – никого не разбудил? Нет, никого. Юркнул под одеяло, немного повалился, рассматривая тёмный ночной потолок, и уснул.

И снова провалился в тот же сон.

Алька обнаружил себя в кровати под одеялом. И комната была его, да не его. Она была какая-то серая. Но предыдущего сна Алька не помнил. Снова увидел окно с лунным светом, и тут же на него поплыл страх. Только теперь это был Страх. Алька не просто застыл в кровати – он вмёрз в неё. Он уже не боялся пошевелиться – он вообще не в силах был двигаться. А шар из прошлого сна уже не проплывал мимо окна. Этот грязно-зелёного, грязно-

болотного цвета шар дождался Альку. И Алька понял, что безглазый шар видит его и знает, что Алька тоже видит, – они оба видят друг друга. И Алька знает, что это и не шар вовсе, а Жуть из одной бабушкиной сказки, и эта Жуть уже встретилась взглядом с Алькой. Алька заорал, полон страха, и тут же Жуть вдруг оказалась в комнате. И стала приближаться к кровати, и начала расти, превращаясь в огромную жидкую массу, поглощая край кровати, одеяла и надвигаясь на Альку. Цвет её стал похож на цвет воды из бакалавки, он переливался зелёными и синими, голубыми оттенками. Страх свился внутри пружиной, и неожиданно Алька вылетел из-под одеяла и, оказавшись рядом с шаром, хлестнул открытой ладонью по его поверхности. И наступила тишина. Алька не оглох, но кругом стало совершенно тихо. Он орал, но звука не было. После удара по шару образовался всплеск, как недавно днём в купалке, когда они играли на воде. Только брызги почему-то полетели внутрь шара, а в образовавшуюся от хлопка воронку из Алькиной ладони внутрь Жутти потёк страх. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее, опустошая Альку и наполняя собой изнутри тело Жутти. И вдруг Алька услышал рёв Жутти. А там, внутри неё Страх стал расти и расти. Жуть скакнула в окошко, но была уже столь велика, что окно оказалось для неё мало. И вдруг рвануло так, что Алька вновь оглох. Тело Жутти медленно-медленно разлеталось во все стороны, а сама картина происходящего тихо таяла, словно пропадая в тумане. Алька проваливался в свой обычный сон.

Добегайся! – издали услышал он слова. Еле разлепив глаза, Алька увидел мать, которая стояла рядом с кроватью и встряхивала градусник.

– Перекупался и простыл! – это уже говорила бабушка. – И воды ледяной, небось, пил. В руках у бабушки была кружка, от которой шёл горячий малиновый запах.

В разгар лета Алька ненадолго заболел. Поднялся жар, вызвали участкового врача. Врач осмотрел, поставил градусник, выписал рецепт и приговорил к десяти дням постельного режима. То есть хотел сначала вызвать скорую и в больницу, но мать и бабушка отговорили: сказали, что сами справятся. Но Алька ничего не помнил и не понимал от высокой температуры. Пить ему не давали, только губы смачивали, и иногда он запивал водой порошки, приготовленные в аптеке по рецепту. Ел или нет, он не помнил. День и ночь слились в один серый отрезок времени. Пот лил с него так, что подушку меняли по два раза в день, а на лбу всегда лежала мокрая тряпка. Он не спал, только проваливался в забытье и, очнувшись, просил пить. На четвёртый день Алька пришёл в себя. Рано утром около него никого не было, на кухне только улавливался тихий говор двух женских голосов. Алька почувствовал себя здоровым и захотел встать, но с удивлением обнаружил, что не может даже сдвинуть руку с места – сил просто не было. Опять захотелось пить. Он произнёс: «Пить». Голоса смолкли, показалась бабушка и со словами: «Слава богу!» – дала Альке целую столовую ложку воды. Дело пошло на поправку.

Но ещё пару недель продержали Альку дома. Он иногда смотрел в окно, выходящее в палисад позади дома. В палисаде бегали только кошки, да иногда какой-нибудь пацан, играющий в прятки, скрывался в кустах. Альку, глядевшего в окно, ни пацаны, ни кошки не замечали. Но у окна мать стоять не разрешала – продует опять, и он, ещё не вполне окрепший, сидел чаще за столом и рисовал танки и самолёты. Рисовать Алька любил, и взрослые говорили, что он умеет рисовать и надо бы отдать его в «художественную». Что такое «художественная», Алька не понимал, но очень не хотел, чтобы его куда-то отдавали. Поэтому свои лучшие рисунки он прятал на шифоньере, поближе к стене, где их не было видно.

Две недели пролетели. Участковый Альку выписал, и ему разрешили пойти гулять, «но только около дома».

Во дворе никого не было. Одна только Найда – дворовая собака – ловила мух на солнечной стороне сарая. Все ушли с утра купаться. Алька знал это и поэтому несколько не огорчился: у него всегда был собственный план изучения двора и его окрестностей. Когда он смотрел в окно, заметил кусты малины, невидимые с улицы. Кусты были как бы спрятаны, а на них висели уже вызревшие и нетронутые крупные ягоды. Целых пять дней это было Алькиной тайной, Алькиным кладом, которым он немедленно решил воспользоваться. Незаметно оглядевшись, он не спеша и как бы просто так приблизился к углу дома и там не торопясь, изображая интерес к сидевшим на стене мухам и паукам, свернул за второй угол. И вот уже он за кустами, которые, согласно плану, спокойно скрыли его спину от посторонних взглядов. А через пару шагов он и вовсе перестал быть виден со стороны двора. Слегка ссутуленный, Алька распрямился и, обретя полную свободу одиночества, решительно двинулся к ближайшему кусту малины.

Ух, как вкусно! Сочная и сладкая ягода. Наестся ей невозможно, хотя Алька был бы не против. Неплохое начало дворовой жизни после долгого перерыва.

Первый куст, потом второй, ну а там... чш-ш-ш-ш-ш... Алька замер. Чувствовалось, за вторым кустом, по другую его сторону, кто-то был. И этот кто-то тоже притаился. Собака? Волк? Алька бегал быстро, быстрее пацанов постарше его, но здесь не успел – сквозь листву просунулось девчоночье лицо, перепачканное малиновым соком:

– Здравствуй, Алька.

– Здравствуй, – автоматом, как эхо, ответил Алька. Это оказалась Ленка. То есть сначала это была незнакомая, не с их и не с соседнего двора, девчонка. Но она сказала: «Я Ленка», – и теперь уже это была Ленка.

Алька, недовольный, что про малину кто-то мог знать, кроме него, да ещё и не с их двора, начал нехотя есть ягоды. Но Ленка тут же сказала:

– Надо быстрее всё доесть, потому что пацаны со второго дома после купалки собирались прийти сюда всю малину обобрать.

Это подействовало, и команды больше не потребовалось. Алька посматривал на Ленку и остригал малину, орудуя, как парикмахер машинкой.

Оба уже не старались действовать бесшумно: задача была поставлена, и она выполнялась. Наконец, полные животы просто отказались принимать ягоду, проще говоря, оба объелись. Но и малины осталось столько, что собирать её, да ещё нескольким пацанам, было незачем.

– Ну всё, я пошла, – сказала Ленка и добавила: – Выходи завтра гулять в аллею.

И скрылась в густом кустарнике, направляясь домой. Алька развернулся и так же крадучись, как и пришёл, выбрался из кустарника. На стене поймал муху и так, словно всю жизнь ловил насекомых, с мухой в кулаке, приложенном к уху, явился во двор.

Там уже сидели ребяташки, пришедшие с купалки. Увидев Альку, они радостно закричали и бросились к нему навстречу: – Алька-а-а-а!

– Здорова, Алька! Ну как ты? Говорят, что еле жив остался. А мы купаемся каждый день. Уже плавать учимся. А тебя на речку, наверно, точно не пустят, – загалдели все разом, во фразах подражая взрослым.

Алька был рад, что его так бурно встречают, и даже было немного стыдно, что один ел малину и никого не позвал с собой. Но всё затмило последнее предложение.

– Сегодня вечером всем домом в ножички играем. Выходи, Алька, обязательно.

Игра в ножички всем домом проводилась один раз в год, и в ней участвовали только пацаны, парни и взрослые мужики. Все приходили со своими ножиками, чертили перед домом на земле огромный круг – метров шести-семи в диаметре. Потом делились на две команды независимо от возраста, делили круг пополам и «резали» половинку противника до тех пор, пока не отрезали весь пирог себе. Ножи кидали и с пальчика, и с локтя, и с плеча, и с колена, и со лба. Играли дотемна. Младших, понятное дело, быстро уводили домой мамыши, а взрослые упорно резались в ножички до победы и однажды даже светили себе прожекто-

ром со стройки. Играли только на интерес, но победитель становился известен всему посёлку и был очень уважаемым человеком. Играл только их дом. Другие дома в посёлке пробовали играть так же, но традиции у них почему-то не сложилось и дело всегда гложло. В Алькином доме в ножички играть начали ещё до его рождения. Конечно, Алька был обязан участвовать. И ножик у него для игры имелся. И с пацанами он уже играл. В общем, дело оставалось за родителями...

Родители были не против, если он метнёт ножик пару раз и домой. Этого было достаточно. И вот время пришло. Предвечернее, едва темнеющее небо глядело в начерченный на земле между двумя подъездами огромный круг. Народищу собралось – тьма. Ближе к кругу стояли участники битвы. Круг резали пополам. Пара судей тщательно прикинули равность половин и, согласно покивав головами, разрешили игру. И вот, неожиданно для себя, Алька стал по общему решению зачинателем.

– Ну, Алька, дай жару! – выкрикнули из толпы. – Сколько Жара – такая и Свара!

Подтолкнули в круг.

– Чью половину режешь? Режь любую – разберёмся, – сказал дядя Иван. Алька, нисколько не тушуясь, достал из кармана свой раскладной ножик и открыл лезвие. Тишина. Все, увидев такой неподходящий инструмент, замолкли в сомнениях. И заперезивали.

Но Алька, поглощённый процессом, никого уже не видел и не слышал. Он выбрал половинку круга, встал поближе к краю, ибо кроме как воткнуть нож, надо было самому и резать от черты до черты, не касаясь земли руками и не сходя с места. Приложил кончик ножика к большому пальцу, присел пониже и кинул его с переворотом. Нож летел недолго, но ожидание людей, казалось, замедлило течение времени. Лезвие плавно и легко вошло в землю, и Алька спокойно отрезал пирог и стёр границу. У одной из команд кусок прирос.

– Молодец, Алька! – заорали все в восхищении. – Давай ещё раз!

И Алька решил всех удивить. Он часто тренировался делать этот бросок ножа, с начала лета, так, чтобы никто не видел. И время пришло. С плеча. Алька метнул свой не совсем никудышный нож с плеча. И тот, послушный мастеру, смачно вошёл в землю по самую рукоятку. Алька резал пирог чужой команды, а народ вокруг чуть не плясал от этого зрелища. И вот уже пошла игра. А счастливого Альку уводили домой родители: уговор есть уговор.

Солнце склонялось к закату, небо успело потемнеть. Этой ночью Алька спал безмятежно, ни разу не проснувшись. Во сне он летал над своей любимой поляной и даже несколько раз взмывал высоко-высоко, чтобы разглядеть Землю, а в кармане его штанов лежал его раскладной нож.

Утро. Солнце с края занавески било в глаз. Ух ты, проспал. А что проспал-то? Пацаны все уже на речке, ему туда нельзя, торопиться некуда.

– Долго будешь разлёживаться? – донеслось из кухни.

– Щас!

Он вскочил с кровати, сбегал умылся и одеваясь вспомнил вчерашний вечер. Гордый собой, пошёл на кухню завтракать. Там стояли кружка молока, тарелка с гречкой и лежал кусок хлеба. Он налил в тарелку молока из кружки, быстро всё смёл, отпросился на улицу: «Около дома!» – и, не теряя времени, вышел на крыльцо. Если улица пуста, то она пуста. Никого не было. Планы пока не родились, и Алька решил зайти к соседке, тётке Насте, спросить, где Игоряха, а вдруг да дома? Постучал в дверь – соседка открыла:

– Здравствуй, Алька.

– А Игорь дома?

– Нет.

– А не знаете, где он?

– Волки срать на нём уехали, – тётка Настя шутила привычно и знакомо, поэтому Алька не обиделся. – Да на речке со всеми, где ж ему быть?

Алька развернулся и вышел снова на улицу. Осмотрелся, бросил взгляд на каменный школьный забор недалеко от дома и вспомнил про Ленку. И про аллею, куда она приглашала погулять и поиграть. Аллея – это ряд из десятка невысоких клёнов, с тропинкой вдоль них и парой скамеек. В мае они всем домом ловили там майских жуков. Днём в этом месте обычно никого нет. От дома недалеко, и Алька пошёл. Ленка сидела на скамейке. У неё не было привычных всем кукол и пупсиков. Ленка считала листья на деревьях.

– Считать умеешь? – спросила она.

– Умею до ста, – ответил Алька.

– После ста-то простень считать, – сказала Ленка. – Смотри: сто один, сто два, сто три. Ну, в общем, добавляй везде в начале сто и будешь считать больше ста.

Алька остолбенел – это было так просто, а никто ему не сказал. Быстро в уме сосчитал до ста двадцати – получилось. Он зауважал Ленку.

– Давай играть в крестики-нолики, – предложила девочка.

– Я не умею.

– Я научу, – и стала чертить на песке возле скамейки квадрат с сеткой для игры.

Алька научился быстро. Играли азартно, забыв про время.

– Домой, обедать! – это звали Альку. Алька повернулся и сделал шаг к дому.

– До завтра, – сказала Ленка и побежала в другом направлении.

После обеда пацаны сказали, что на речку не пойдут, потому что скоро приедет Бабай. Бабай – это сказочная мечта каждого малыша и подростка во дворе. Старый татарин был менялой-старьёвщиком. Менял чудесные свистульки, надувные шары и трещотки на старые тряпки, рваную одежду. Его дело было рассчитано на то, что дети выклянчат у родителей хоть клочок тряпья или найдут где-нибудь за лето и сберегут до его приезда для обмена. Деньгами он никогда не платил. Имени Бабая никто не знал, да и не надо было никому. Приезжал он всегда на телеге, полной всякого барахла, которую везла лошадь. Самых маленьких в посёлке Бабаем пугали: «Вот скажу Бабаю – он приедет и заберёт тебя». Мать Альки ради такого праздника припасла ему какую-то старую кофту. Алька сбегал домой – кофта на месте. Вышел на улицу, сел на скамейку около крыльца и, болтая ногами, стал ждать Бабая, считая до ста девяноста девяти, а потом обратно, и так, пока из соседнего двора не показалась лошадь с телегой. Пацаны набежали кто с чем. Обмен шёл быстро, на ходу. Альке из-за малого ещё роста кто-то помог, и в руках у него оказалась заветная глиняная свистулька в виде соловья. Алька дунул в неё, и она громко и тонко запищала. Он бегал вместе со всеми около крыльца и свистел, пока кто-то из взрослых не сказал, что в свисток надо налить чайную ложку воды. Сделано. Чудесные переливывы на разный манер полились из свистулек. Можно было даже заслушаться. Но тут вышли две-три старенькие бабки и, угрожая своими клюшками, велели всем убираться подальше.

Но свистеть уже надоело, и все разошлись по домам показать свои трофеи родителям и спрятать их понадежней до подходящего случая.

Вечером пацаны затеяли прятки, но Алька как-то устал и пошёл домой. Ночью ему снились огромные крестики-нолики, в которые он старательно вписывал цифры больше ста. У него не получалось, а Ленкин голос всё время говорил, что это простень.

Следующий десяток дней Алька выходил попозже и, дождавшись, когда во дворе все разбегутся кто куда, незаметно шёл в аллею. Там всегда на одном и том же месте сидела Ленка. Она никогда не играла в куклы, но всё время была чем-то занята. А когда появлялся Алька, начинала его чему-нибудь учить. Она научила его двум скороговоркам: про «ехал грека через реку...» и «Клару с Карлом». Потом она научила его ориентироваться, где север, а где юг. Потом они играли в новую игру: надо было успеть наступить на свою тень, пока она не сдвинулась, и Альке иногда казалось, что это ему удаётся. Потом она научила его играть в прятки со стрелками, и они исчертили этими стрелками всю окрестность школы. А в камень-ножницы они играли два дня. Шёл десятый день их знакомства. Они только что закончили играть в уга-

дывание песни по мелодии, которую высвистывал один, а угадать должен был другой. Альке пора было домой, и Ленка вдруг сказала:

– А ты заметил, Алька, что пока мы играли, нам не помешал ни один взрослый?

– Ага, – сказал он. Он ещё три дня назад обратил внимание на то, что звуки со двора и от школы доносились до них, как сквозь стену, и фигуры людей вдалеке виделись слегка размыто. И даже один раз, когда мимо них прошёл какой-то взрослый дядька, показалось, он их не видел. Ленка тогда сказала: «Может, ему песка в карманы насыпать? Он всё равно не заметит». И они долго смеялись над этим дядькой.

– Таких мест, Алька, на Земле очень-очень мало, – продолжила Ленка. – Ты можешь запомнить это место, а можешь забыть. Оно всегда есть, и оно всегда Наше.

Так, по-взрослому, Альке ещё никто не говорил. Когда-нибудь Альке расскажут про Аватара, но сейчас...

Не удалось осмыслить сказанное Ленкой, голос матери вернул всё на свои места и снял вуаль. Алька побежал домой.

– Тебя кричали. Ты где был? – спросила мать.

– С Ленкой играл, – неожиданно для себя ответил Алька.

– С какой Ленкой? Нет у нас никаких Ленок, и в соседнем доме нет. Ты не слышала тут про Ленку? – спросила мать у бабушки.

– Отродясь здесь Ленок не было. Одни Зинки да Маринки, – ответила бабушка.

Алька обиделся и ушёл надолго умыться. Поел быстро и спрятался в своей комнате перебирать коробку с фантиками.

На следующий день он побежал на вчерашнее место, но Ленки там не было. Не осталось даже следов их прежних игр, аллея была выметена, а скамейки покрашены. Алька растерянно посмотрел по сторонам и, уже понимая, что он больше никогда не увидит Ленку, повернулся и побежал быстрее домой. Чтобы никто не успел рассмотреть на его лице слёзы обиды и какой-то запоздалой злости на себя самого за то, что не угадал расставания, потерял что-то невозвратное. Тихо зашёл в подъезд, добежал мимо второго этажа до чердачной лестницы, сел около неё и горюя задавил все слёзы в себе. Не хватало, чтобы кто-то увидел. Попыхтев ещё некоторое время и чувствуя, как с лица ушли остатки слёз, Алька прислушался – в подъезде, кажется, никого не было. С улицы доносились голоса пацанов.

Алька не спеша спустился и вышел на крыльцо. Рядом стояла кучка ребятшек.

– Алька, иди скорей сюда – пацаны из деревни и лагеря приехали.

Алька подошёл, потолкался среди всех и тихохонько сплыл домой. Дома удивились такому раннему приходу, а он, чтобы было меньше расспросов, с ходу сказал:

– Чего-то пацанов собралось куча возле дома. Праздник, что ли, какой?

– Праздник, не праздник, а лето кончилось – через два дня в школу. Наигрались, нагостились и хватит, – ответила мать. – Хорошего помаленьку. Возле школы весь двор вчера до вечера мели да скамейки красили для таких блондей.

И Алька понял, что Ленка не местная и её, наверное, тоже увезли куда-то родители. Обида, ещё сидевшая в нём, слегка отпустила. Он уже придумал, что увидится с Ленкой следующим летом, а может, даже зимой.

Альке до школы был ещё целый год, и он не испытывал никакого волнения по этому поводу. Взрослые говорили, что в школу ему хоть завтра – считать, читать и писать уже умеет даже лучше, чем для первого класса. Возрастом только не подходит.

Первого сентября утром, выйдя во двор, Алька остолбенел. Во дворе стояли с родителями и поодиночке все дети из его и из соседнего дома – и мальчишки, и девчонки. Парни постарше расположились в сторонке и негромко разговаривали. Но все, абсолютно все были умыты, причёсаны и одеты в костюмы и платья для школы. Сплошь на всех девчоночьих голо-

вах были завязаны огромные белые банты. Алька смотрел на этот праздник и с трудом узнавал вчерашних друзей-приятелей.

На него никто не обращал внимания. Ему ведь пока не в школу.

Но вот по какой-то неслышной команде все двинулись к школе. Она была недалеко – метрах в ста от Алькиного дома. Толпа пошла через ворота, а Алька ринулся было в обход, своими тропами.

– Ку-у-да пошёл?

Оказалось, что мать стояла у него за спиной и зорко за ним приглядывала.

– А ну, домой, нечего там тебе делать.

Не зная, возмущаться или нет, Алька послушно пошёл домой. Делать «там» ему и вправду было нечего, а двор сейчас опустел, словно вымер. Даже кошки и собака Найда попрятались от такого количества народа. Дома Алька переоделся и сел за стол рисовать. Рисовать он любил так, что иногда даже гуляние на улице пропускал, и пацаны не могли его докричаться. Об этом все знали и на Альку не обижались. Рисовал до вечера. На следующий день опять рисовал, потом читал сказки. Пару раз мать посылала в магазин за хлебом. Продавщицы Альку знали, знали, что он будет покупать и сколько денег у него в кармане. Сдачу всегда давали точно, потому что Алька в деньгах ещё путался, а обманывать его и потом иметь дело с Алькиной матерью или бабушкой никто никогда и ни за что не решился бы. Так пролетела ещё пара недель. Пацаны ходили в школу, Алька сидел дома. Пару мальчишек его возраста из соседнего подъезда он мало знал, летом их не было – отдыхали по деревьям, а на сближение с ними Алька пока не шёл.

Через две недели заладили дожди с ветрами, и погода прояснилась, когда была уже вторая половина октября.

Алька погулял утром по двору, поиграл с Найдой и всё время пытался вспомнить какое-то слово, которое утром сегодня услышал случайно от родителей. Дома была бабушка, а родители уехали с утра в город. И Алька вспомнил, как утром, когда ещё валялся в кровати и притворялся спящим, он в тихом шёпоте родителей уловил слово «день». Слово как слово, но произнесено оно было не так. Начало интонации Алька уловил, но закончить её смог только сейчас, спустя пару часов. Ну конечно же, «день» – это «день рождения». Его день рождения.

Ну да, ведь скоро ноябрь, а в ноябре – его день рождения.

Альке будут дарить подарок, и родители уехали, наверное, что-то ему присмотреть в городе, давно уже об этом говорили. Или ботинки, или штаны с начёсом. Алька приободрился и даже на радостях сбегал домой и выпросил у бабушки кусок хлеба для Найды, покормить. Хлеб Найда слопала в один зевок. Потом он покидал голыши в воробьёв на проводах и загнал под крыльцо какую-то рыжую кошку. Он просто позволил себе небольшое баловство ради своего будущего дня рождения. Сел на скамейку и стал мечтать. Мечтать Алька любил. Сегодня он мечтал о том, как капитаном на корабле поплывёт куда-то далеко-далёко, открывать неизвестные острова. Страны-то открыты все, а острова – ещё нет. И обязательно будет сражаться с пиратами. Хотя, по правде говоря, Алька не видел ещё даже города. Поэтому в его мечтах город всегда отсутствовал, он его даже и представить себе не мог. Пока он так сидел, подошли вернувшиеся из города родители. Он поднял голову, а они стояли рядом и тихо смеялись над его задумчивым и глубокомысленным видом. В руках у обоих были какие-то свёртки и коробки с покупками, перевязанные бечёвкой. У одной маленькой коробочки часть перевязи была длиннее и болталась. Алька попросил её донести самостоятельно.

– Ну на! Хватай покрепче и держи! – разрешил отец.

– Пойдёмте домой – обедать пора, – сказала мать.

Вечером ему велели лечь пораньше: завтра, мол, недосуг будет. Алька-то думал, что ноябрь скоро, а он, оказалось, уже завтра.

Перегруженный мечтами о завтрашнем дне, Алька послушно пошёл в кровать и легко уснул.

В сон он не провалился, а влетел как никогда. Резвился над своей поляной и решил даже, что скоро можно будет подкрасться к обрыву над речкой и сигануть с него. Но это чуть позже. Сейчас же он был намерен отыскать свой дом, присутствие и близость которого всегда ощущал во сне. Алька уже давно знал, что он сейчас спит и времени у него столько, сколько он хочет, хоть сто лет, поэтому события не торопил и сам не спешил. Зато торопились другие, и поэтому Альке как-то быстро наскучило летать, и он пошёл в сторону от обрыва искать Свой Дом.

Через пару шагов под ногами обнаружилась тропка, идущая в направлении небольшого подлеска. Алька шёл по ней не спеша, прислушиваясь к росшему внутри ощущению верного направления. С краю подлеска близко к тропке стояли три огромные густые сосны, скрывававшие пространство за ними. Алька пересёк линию сосен и открыл рот от изумления. Совсем недалеко перед ним стоял Дом. Двухэтажный, под железной крашеной крышей, с крыльцом, дверью и окнами. На крыше установлены высокая печная труба и слуховое окно. Дом был красив, словно с картины, хотя никакой такой картины Алька отродясь не видел. И в своих полётах он не видел этого Дома. Но он точно знал, что это тот самый его Дом. Причём только его личный и ничей больше.

Алька подошёл к крыльцу, поднялся по ступенькам и открыл дверь. Вошёл, разулся. Внутри светло, хотя ламп видно не было – в Доме просто был свет. Альке показалось это удобным, и он больше не думал об этом. Небольшая прихожая с открытым арочным проёмом вывела его в зал. Диван, кресло, стол, пара стульев, окно и цветы на подоконнике. Красиво. На полу ковёр. Пол тёплый. Слева от арки вела на второй этаж лестница. А напротив виднелись две двери. Одна, прикрытая, вела на кухню. Алька точно знал, что там кухня. А во вторую, открытую дверь была видна комната. Из-за кухонной двери стали слышны еле различимые голоса – мужской и женский. Но Алька даже не загорелся любопытством. Голоса говорили так умиротворённо, почти бормотали, и вселяли такой покой, что Алька направился – сам или под действием этих голосов – в соседнюю комнату. Комната была пуста: только ковёр на полу и кровать у стены справа от двери. Дальше окно с видом в сад. Он вошёл, и на него вдруг стала наваливаться усталость. Такая, что просто валила с ног. «Просто прилягу», – подумал Алька и повалился в кровать. Накрыться одеялом сил уже не было. Алька уснул. Свет в комнате тут же погас, а дверь закрылась...

...Проснулся Алька в комнате и обнаружил себя не на привычной лужайке, а лежащим в своей кровати под одеялом. Вот только комната снова была его, да не его. Комната была какая-то серая, освещённая светом луны за окном, и двери из комнаты он не обнаружил. За окном возникло движение, и на Альку накатился страх. Страх давил на него так, что даже шевелиться было жутко. И вот к его окну снаружи подлетел кто-то. «Кто-то» – это потому что Алька чётко увидел огромную старушечью голову с неким грязно-коричневым тюрбаном поверх. Из-под тюрбана торчали длинные заплетённые в тонкие косы волосы. У старухи был длинный крючковатый нос и злые глаза, а вот ноги у неё отсутствовали, только голова. И эта голова давила с силой на стекло. Наконец, раздавила его и втиснулась в комнату. Глядя прямо на Альку, голова приближалась к нему и начала разевать свой огромный рот. Страх пригвоздил его к кровати, и вдруг внутри чётко прозвучала чья-то фраза: «Словно в кино».

«Словно в кино», – подумал вслед Алька и вдруг понял, что то, что он ощущал как страх, не было страхом. Это старуха тянула из него жизнь, а тело его сопротивлялось, и ум, пытаясь дать Альке команду бежать, создавал в нём страх, парализовавший его, потому что

голова старухи двигалась быстрее, чем он соображал. «Словно в кино», – ухватился за фразу Алька, и страх ушёл. Медленно встав с кровати, шагнул навстречу голове, рот которой уже превратился в пасть с огромными зубами. Голова затряслась от предвкушения, и множество её мелких и длинных кос затряслись в такт движению Чудовища. Они напоминали Альке обрывки бечёвок, которыми накануне были перевязаны коробки с подарками на день рождения. «Хватай крепче!» – всплыли в памяти слова, и Алька схватил рукой за одну из кос и дёрнул что было силы на себя. «Хватай и держи!» – и он держал и тянул на себя за косу эту голову. И Чудовище завизжало. Завизжало так, что Алька остекленел. А Чудовище вдруг дёрнулось прочь от него в разбитое окно, наружу, и полетело куда-то вверх. Коса не порвалась, стала вытягиваться, пока не превратилась в нить для запуска змея. Нить гудела и вибрировала в руке Альки, как тогда, летом. Голова потащила Альку к окну, и он уже видел, как высоко вверх рванула она и как стала выписывать восьмёрки. Но неожиданно начала таять и пропадать. Натяжение нити постепенно слабело, Альку же в это время наполняла какая-то сила. Он вдруг ощутил себя невероятно мощным и резвым. Тут нить словно растаяла, оставив в руке короткий обрывок обычной бечёвки. Алька же, ощущая собственную мощь, вдруг с места прыгнул в окно и за мгновение до прыжка успел заметить, как разлетелась в щепки оконная рама. Алька оказался за окном. Он никуда не упал и не полетел, а стоял на чём-то плотном, но неразличимом. Над ним ничего не было видно. Под ним – тоже. И вообще, там, где он стоял, не было верха, как не было и низа. Вокруг была одна сплошная светящаяся тёмно-серая бесконечность. Глазу зацепиться не за что, и только прямоугольник окна давал какую-то точку отсчёта. Но вот темень бесконечности под ногами Альки стала светиться сильнее и вдруг протянулась широкой дорогой далеко-далеко, насколько хватало глаз, и ему захотелось идти по этой дороге. Он занёс ногу и было сделал шаг.

– Стой, малец! Не делай так! – раздался неожиданный и спокойный голос из-за плеча.

Алька вздрогнул и повернулся. По ту сторону окна в комнате стоял дядька в свитере и подманивал его к себе ладонью:

– Рано тебе туда! Иди в дом. А то закроется окно и не успеешь.

Алька увидел, что и вправду проём окна уменьшается. Не быстро, но заметно.

– А ну, лезь в комнату, пока стена не заросла!

И Алька, не заставляя себя ждать, шустро полез обратно. Когда он встал на пол, никакого дядьки рядом не было, окно заросло, а дверь из комнаты оказалась приоткрыта. Алька выглянул в щёлку и увидел прежний зал. За спиной вдруг стало светло, он оглянулся и увидел комнату с ковром и диваном. Серая комната из сна исчезла. Вышел в зал и открыл дверь на кухню. Там за столом сидел дядька в свитере и напротив – женщина в платье.

– Здравствуйте! – сказал Алька. – А вы кто?

– Здравствуй, Алька! Ну, считай пока, что мы строители этого дома, а ты – заказчик.

– А голова старухи – это кто?

– Ишь ты – с места в карьер, – улыбнулся дядька, – лярва это.

– А кто...

– А вот баиньки пора, – перебил Альку дядька, и Алька, присев на скамейку с краю стола, уснул, положив под голову руку.

Утром он встал рано, выспавшийся и совершенно обновлённый. От ночных переживаний не осталось и следа. Умылся и вышел на кухню. Там бабушка готовила тесто для ватрушек и пельменей.

– Ох ты, горе моё, встал уже. Ну-ка, дай я тебя причешу! Во-от, теперь все девки твои. Да ты никак подросток, Алька? Какой-то ты сегодня рослый. На-ка вот тебе пирожок. С днём рождения тебя!

День начинался с ожидания праздника.

Конец первой сказки

Все маги в этой Реальности деревенские.

И они не решают вопросы

Эволюции Горизонтов Времени.

Голодный маг Сказка, которой нет

Зима пришла в конце ноября, быстрая и звонкая. Снега не было совсем. Звенели под ногами ледяные корки выстуженных осенних луж во дворе, звенели на ветру выросшие за одну ночь тонкие длинные сосульки размером с половину Алькиной руки. Алька, тепло одетый, в осенних ботинках, осеннем пальто и шапке, подаренных на день рождения, гулял по двору один и отыскивал не замеченные им сразу небольшие оконца застывшего льда.

Неразношенные ботинки жёстко ступали на отвердевший песок с глиной и как будто норовили подвернуть Альке ногу. Но он ловко справлялся с возникшим неудобством. Около школьных ворот парни постарше уже успели накатать ледяную тропку метра три длиной и на переменке катались по ней с разбегу, балансируя на прямых ногах. Но поскользнувшийся школьный сторож уже пообещал прекратить это безобразие и сколоть лёд.

Алька к воротам не шёл – родители могли заругать – и лишь иногда посматривал на веселье, когда там становилось слишком шумно. Воздух был чист, и все звуки были чисты, различимы и словно не мешали друг другу. Отдельно от человеческой речи слышно было и мяуканье кошки, и чириканье воробьёв, и звук обивания обуви от налипшей грязи о ступени крыльца.

От резвящихся отделился незнакомый Альке парень, подошёл к нему и спросил:

– Пацан! Деньги есть?

– Нету, – сказал простодушно Алька.

– А если найду?

Алька не успел отреагировать, как прозвучало:

– А ты у меня найди! – это был голос соседа, дяди Ивана.

Парень очень быстро убежал, а сосед вслед ему крикнул:

– Увижу возле нашего дома – уши оборву!

Алька повернулся на голос. Сосед дядя Иван сидел на корточках на крыльце около подъездной двери и курил папироску. Он был одет в брюки и рубашку с незастёгнутой верхней пуговицей и распахнутым воротником. На ногах – тапки на босу ногу. Из-под рубашки на груди выглядывал синий рисунок с крестиком. «Наколка там – церковь», – как-то услышал Алька летом от пацанов постарше. Что такое церковь, Алька знал, а про наколку решил, что это такая синяя сводилка, как от конфетных фантиков. И ещё говорили шёпотом, что Иван сидел. Почему шёпотом, Алька не понимал, потому что сосед всегда сидел на крыльце на корточках с дымящейся папиросой и секрета в этом не было никакого.

– Алька, будет шпана приставать – скажи мне!

Алька кивнул, сосед выбросил потухший бычок и ушёл в дом. Ничего не поняв в произошедшем, Алька закончил свой славный подвиг по уничтожению льдинок и обратил взор на сосульки, свисавшие с крыши сарая.

Минут через двадцать он услышал, как кто-то около дома спрашивает его бабушку, и увидел старушку, которая, направившись к крыльцу, поднялась по нему и вошла в подъезд.

Тут же Алька понял, что на улице больше делать стало нечего, что сосульки от него никуда не денутся, что время обедать и бабушка, наверное, уже беспокоится.

Любопытство. Альке оно не было чуждо. Он тут же начал искать причину, и она явилась немедленно. По улице проходил дяденька из соседнего дома с часами на руке.

– А скажите, пожалуйста, сколько времени? – голосом очень дисциплинированного мальчика спросил дяденьку Алька.

Услышал «без пятнадцати час» и с полным ощущением справедливости и собственной правоты не очень спеша, но поторапливаясь, пошёл домой.

Открыл незапертую дверь, разделся и вошёл в комнату со словами:

– Ба-аб! Я пришёл.

Дверь на кухню была прикрыта, и из-за неё раздался бабушкин голос:

– Обожди маленько.

Алька сел около печки поближе к двери и наострил уши.

Но ничего не расслышал. Из кухни вышла старушка в сопровождении бабушки.

– Алька-то как вырос, – сказала старушка.

– Да уж, жених, да и только, – ответила бабушка.

Старушка быстро ушла. Алька пошёл обедать, переваривать пищу и первые зимние приключения.

После обеда сел читать книгу с детскими рассказами. Мать велела читать больше, потому что до школы не много времени. Читал Алька с удовольствием и всегда фантазировал, представляя себя на месте героев рассказов. В своих фантазиях уходил так далеко, что иногда даже забывал и про рассказ, и про книгу, придумывая свои миры, никак не связанные с сюжетом прочитанного.

В пятницу вечером отец, придя с работы, сказал:

– Мороз уже пять дней, снега нет и завтра не обещают – едем с Алькой на озёра рыбачить.

Алька, тебе спать пораньше – едем с первой электричкой.

Алька от радости не знал, куда деваться, но быстро успокоился, умылся на ночь, пошёл в кровать и на удивление быстро уснул.

За столом сидели мужчина и женщина и тихо спорили.

– Да, ты – Ведьма. Но не бывает Ведьмы без Колдуна, – произнёс мужчина.

Помолчали.

– Как нам удастся растолковать всё такому маленькому мальчику? – спросила женщина.

– Надо понимать, что мы – в Сновидении и Алька не маленький мальчик, а маленький человек.

– Ты можешь объяснить?

– Нечего объяснять – об этом написана куча книг.

– Ты говорил, что все книги утеряны.

– В том-то и прелесть, чтобы их прочитать, – улыбнулся мужчина.

– Но как?

– Ты Ведьма, вот и поколдуй. Не всё же время тебе людям голову морочить, – снова улыбнулся мужчина.

– Рано или поздно тебе придётся...

– Тс-с! Тихо! – перебил её мужчина. – Идёт кто-то.

Шагов было не слышно, но дверь в кухню открылась и появился Алька. За столом сидели мужчина и женщина.

– Ну здравствуй, Алька! – сказал мужчина, выйдя из-за стола и протянув Альке ладонь.

– Здравствуйте! – ответил Алька, пытаясь изобразить рукопожатие.

– Я – Колдун!

– А она – Ведьма, и звать её КаРа!

Алька улыбнулся:

– Если вы – колдун и ведьма, почему тогда я вас не боюсь?

Колдун засмеялся так заразительно, что через мгновение смеялись все трое.

– А пойдёмте пить чай, – предложил мужчина, – у меня всё готово для чаепития.

Через пару минут все сидели за столом и наслаждались ароматным чаем.

– Не боишься ты нас, Алька, потому что мы здесь работаем Колдуном и Ведьмой. Как в кино, – произнёс мужчина знакомую Альке фразу, и он совсем успокоился.

– Скажи, ты понимаешь, что ты – во Сне? – Алька кивнул. – Ну вот, считай, что мы у тебя в гостях и присматриваем за Твоим Домом, пока ты бегаешь по улице и сбиваешь сосульки с крыши. Точнее, я слежу, чтобы твой Дом не превратился в жилище, а КаРа следит, чтобы моя работа не превратилась в Быт. Она иногда создаёт мне препятствия. Что делать – все Ведьмы таковы.

Алька, я сейчас тебе кое-что объясню, а ты должен меня понять, иначе мы с КаРой можем застрянуть на решении одной малюсенькой и про-о-остенькой задачи. Беда в том, что решить её надо, только когда придёт Время Решения. И Времени этого будет так мало, что стоит нам задуматься в этот момент, как Время будет упущено. Всего-навсего.

– Не пугай ребёнка, – сказала КаРа.

– Честно-честно, я тыщи раз так делал, и так оно и было, – смежливо возразил ей Колдун. – Алька, ты понимаешь мои слова?

Алька кивнул.

– Ну, в Путь, – сказал Колдун.

Разбудили его – было ещё темно. Собрались быстро. Пешком минут десять добирались до утреннего трамвая и через пару остановок брали уже билет на поезд – так Алька называл электричку.

В электричке он спал. Когда сошли на станции, небо уже стало серым – занимался рассвет. Станция была Альке знакома – раз-другой отец брал его с собой к родственникам в деревню в гости на пару дней. Но туда они не пошли, а двинулись по дороге в направлении леса:

– К реке, – сказал отец.

Дорога лежала через лес, но просека была широкая – метров пять-шесть, и подсвеченное рассветом небо позволяло идти не спотыкаясь. На ногах были валенки, обутые в галоши. При взгляде вдоль дороги казалось, что она уходит в огромный тоннель и там, в глубине его темноты, бесследно теряется. Алька живо представил, как он, отважный путешественник, бесстрашно пустившийся в путь, разведывает маршрут в поиске пропавшей без вести экспедиции. Дорога, открытая Алькой, была труднопроходимой, от неё вело в лес множество троп и тропинок, и так легко было сбиться с пути. Но не таков Алька, бывавший и не в таких передрягах! И вот уже стала зарождаться новая фантазия, новые приключения захватили его.

Лес кончился неожиданно. Был-был, и вдруг – раз, и перед Алькой огромное поле, покрытое инеем, начинавшим блестеть и таять в мягком свете ещё не взошедшего солнца.

Метров через сто вышли к реке. Постояли любясь. Вниз по течению плыла шуга. Рыхлые бесформенные и пористые куски льда, иногда размером с письменный стол, в огромном количестве катило и несло течение вниз по реке. Шуги было много, куски льда тёрлись друг о друга, как живые, а над рекой стоял громкий шорох, как будто огромное количество людей вдруг собралось здесь, на реке, и невнятно, но слышно, шепталось между собой.

– Шуга! – сказал отец, и шуга, словно услышав своё имя, откликнулась и вдруг засверкала в ответ. Вспыхнуло серебром всё водное пространство – блеснули первые лучи солнца.

Светало быстро. Пошли берегом вверх по течению. Ветра не было, и тишина, раскинувшись вокруг, уходила далеко за горизонт. Алька даже идти старался тихо.

Вскоре показался высокий старый тальник. Остановились перед ним около поваленного старого ствола какого-то дерева. Отец снял с плеча рюкзак, развязал его и достал оттуда завернутые в газету бутерброды с колбасой. Appetit разыгрался за время путешествия не на шутку, и Алька, сидя на поваленном стволе, с удовольствием принялся за еду. Отец, налив и поставив

перед Алькой на землю кружку с горячим чаем, со словами: «Не обожгись», достал из рюкзака маленький топорик и пошёл к тальнику. Присмотрев подходящий ствол с крепкой, отходящей под острым углом вверх веткой, он срубил его и, оборвав с ветки лишнее, вырубил из всего этого нечто похожее на клюшку. Ручкой клюшки служила часть ветки, а ствол был укорочен и плоско затёсан. Получилась, скорее, не клюшка, а колотушка. Такого орудия Алька в жизни не видал. Потом отец вырубил такую же колотушку поменьше, видимо, для сына. Алька уже позавтракал, а отец не стал, вероятно, им овладел уже азарт рыбалки и есть не хотелось.

Перевязав рюкзак, он забросил его за плечи и, передав Альке его колотушку и помянув за собой, со словами: «Не шуми только», двинулся сквозь тальник в глубь зарослей. Через заросли пробирались минуты три. Идти пришлось сквозь валежник, проваливаясь то и дело между старых сухих веток и корней, но шли осторожно, поэтому треска почти не было. Но вот заросли кончились, и перед Алькой открылось Чудо. Они вышли на узкую замёрзшую кромку берега огромной, метров тридцати, лужи. Лужа казалась идеально круглой и была затянута гладким-гладким прозрачным-прозрачным льдом. В зеркале льда отражалось голубеющее небо. Облаков не было, и казалось, что небо решило здесь, в густых зарослях тальника, где его никто не увидит, немного отдохнуть, пока день не занялся.

Лёд был настолько ровный, прозрачный и чистый, что казался обычной водой. И сквозь него была видна небольшая, около сорока сантиметров, глубина, было видно дно лужи, и росшие на дне травинки, и лежавшие без движения обломанные и потонувшие отсыревшие ветки кустов, и опавшая с осени бурая листва. А под самим льдом у поверхности стояли, застыв почти с равными промежутками, выросшие за лето остроносые щурята. Их было так много, что Альке даже в голову не пришло сосчитать их.

Чувства переполняли его.

На лёд было страшно заходить, но отец, попробовав ногой, встал на него и тихонько самым кончиком топора колотнул по нему. Отскочила льдинка, но трещины не пошли. Отец вынул из рюкзака пустое ведро, предназначенное для рыбы, и, оставив рюкзак на берегу и взяв колотушку, позвал Альку к себе. Выбрав место, где стоял подо льдом щурёнок, ударил колотушкой над рыбиной, и она тут же перевернулась кверху брюхом, оглушённая ударной волной. Затем он топором вырубил небольшую лунку и достал из неё щурёнка, длинного и тощего. Рыбину бросил на лёд и сказал Альке:

– Это карандаши. Лужа всё равно вымерзнет скоро до дна и вся рыба здесь передохнет. А у нас не пропадёт. Собирай пока в ведро, – и пошёл к следующей рыбине.

Лёд звенел от ударов колотушки. Алька был в восторге. Он научился шустро передвигаться за отцом и вскоре, приблизительно через час, ведро было полно рыбы.

– Ну и хватит – куда её. Иди попробуй сам поколотить, а я пока перекушу.

Альке этого только и надо было. Взяв в руку колотушку, он пошёл на поиски разбежавшихся щурят. Увидев одного, он стукнул над ним колотушкой, но щурёнок от удара не перевернулся, а стрельнул куда-то в сторону и исчез. То же было и со всеми остальными.

– Они уже близко ко льду не держатся. Удар не доходит. Постой минут пять. Сейчас я помогу.

Через несколько минут они с отцом ходили по льду, выискивая подходящую рыбину. Наконец обнаружили цель, и Алька, руководимый отцом, стукнул по льду. Удар перевернул рыбину, и отец, вырубив лёд, достал её и положил в ведро.

До поезда было ещё много времени, и отец разрешил Альке покататься на ногах по льду – там, где его не расколотили и место сухое. Алька накатался так, что уже надоело, да и пора было идти.

Вдалеке каркнула утренняя ворона, и пацан оглянулся. Бросил последний взгляд на озерко и увидел среди зимнего кустарника человека. Подумал, что это тоже рыбак, как и они с отцом. Встретившись с ним взглядом, он подмигнул ему и побежал догонять отца.

Оставленный после рыбалки лёд был словно вспахан. В трещинах, лужах воды и в ледяных крошках почти по всей поверхности, над которой слегка курился водяной пар. Теперь это была картина сказочного поля битвы, которая закончилась, но поле ещё дымилось.

К электричке подошли вовремя, хотя Алька едва волочил ноги. Он так устал, что отец уже собирался посадить его к себе на плечи. В электричке Алька уснул и как добрались до дома – не помнил. Проспал он весь вечер и всю ночь до утра как убитый.

Ну, в Путь, – сказал Колдун. – Скажи, ты любишь сказки?

– Люблю. Мне взрослые читали и рассказывали.

– Тогда, Алька, я тоже буду рассказывать тебе сказки, только в твоём Сне! Ты про них помнить не будешь, но будешь их знать. Ты слышал, Алька, сказки, про магов и волшебников?

– Слышал, – сказал Алька, – мне бабушка сказывала.

– Скажи, ты знаешь, в чём между ними разница?

– Нет.

– Маги и волшебники пользуются для своих дел предметами. Поэтому они все похожи друг на друга, только предметы разные. Маги и волшебники – они все были когда-то колдунами. Только однажды, давным-давно, все-все колдуны решили стать Магами, и Колдунов больше не стало. Затем Маги затеяли войну с Волшебниками, победили их в этой войне и остались на Земле одни.

Но люди не подозревали об этом. Маги захватили власть на Земле, и огромные Энергии, которыми они управляли, стали им не нужны, Маги перестали их контролировать. Ведьмы, будучи созданиями Колдунов, потихоньку со временем сошли на нет, а сами Маги, не имея большие цели для своих войн, всё время занимались укреплением своего положения среди людей и власти над ними. Энергии без присмотра породили целую череду катаклизмов на Земле: бури, ураганы, землетрясения, неурожай, эпидемии. Но вот всё пришло в какое-то равновесие, успокоилось, и все Маги – все без исключения – стали деревенскими, а Ведьмами стали называть себя несведущие в магии женщины, не имеющие никакого понятия о настоящих Ведьмах. Мир погрузился в Сон, стал однообразным и скудным. Развитие Человечества сменило направление, заложенное в нём от рождения.

Но остались ещё Энергии, пущенные на свободу. Эти Энергии росли и искали точку приложения и выход. Они стали во много раз мощнее тех, прежних, от которых отказались Маги. И выход нашёлся – родился Могул. Могулу удалось определить ошибку Колдунов, и он сформулировал Задачу, которую намеревался решить.

Однако не все Маги растеряли свои способности. Остались четыре древних Мага, которые не смирились с потерей былого могущества. Они открыли способ воздействия на людей без предметов – изобрели Угрозы, через которые Эти четыре Мага поддерживают свою власть и власть Магов помельче на Земле. Отделаться от Этих Магов пока невозможно, но тебе, Алька, придётся избавиться от их влияния лично на тебя. Первый Маг – это Голодный Маг, и он – Хранитель Первой Угрозы. Тебе, Алька, надо преодолеть Страх перед Этим Магом, взять верх над его Угрозой.

После выходных мать пошла в школу, к директору, взяв с собой Альку. Сыну она сказала, что его надо «показать», чтобы на следующий год определиться со школой. Алька был против

«показа» и попытался притвориться больным, да плохо у него получилось – то ли голос был неубедительным, то ли сам Алька не сразу определился, что лучше – хромать или кашлять, но мать и слушать его не стала.

– Всего на полчаса, – сказала она, – а там хлыщи, где хошь.

Алька клюнул на слова матери и согласился пойти с ней.

В школу пошли через основные ворота. Мать открыла массивную входную дверь и, взяв Альку за руку, направилась по коридору к лестнице на второй этаж.

Надо сказать, что двухэтажная школа, снаружи оштукатуренная, выбеленная и отделанная всякими гипсовыми фигурами пионеров, барабанов, горнов и хлебных колосьев, изнутри была деревянная.

Пол сделан из досок, выкрашенных коричневой краской. Стены из оштукатуренной дранки – зелёные до потолка. На высоком побеленном потолке располагались в ряд небольшие электрические светильники, по одной лампе в каждом. В школе было светло и тепло. Пара окон давали дополнительный свет. На стенах висели какие-то плакаты, на одном из которых Алька успел прочитать: «Стенгазета!» Прошли по коридору мимо запертой раздевалки к лестнице. Деревянная, с большими ступенями и толстыми перилами, она была слегка узковата, и пройти по ней мог только один взрослый или двое таких, как Алька. Поднялись на второй этаж и с небольшой лестничной площадки шагнули в дверной проём. Напротив них была дверь с табличкой. «Директор», – прочитал Алька и оробел. Ему представился толстый усатый огромный дядька, который сейчас выйдет, посмотрит на него и скажет громко и строго: «Ну что, Алька! Больше не будешь? Смотри у меня!» Тем более что у Альки в кармане штанов лежали две копейки – сдача после магазина, которую мать забыла у него спросить.

Мать постучала в дверь, и они вошли. Это был кабинет директора. Никакого секретаря. Всё просто. Напротив двери – большое окно, горшки цветов на подоконнике, слева – стол и стул с высокой спинкой. На полу лежал вытертый, но чистый коврик, на стене справа – огромная бессменная карта Советского Союза. На стуле за столом сидела невысокая женщина и, закончив что-то писать, посмотрела на них.

– Здравствуйте! – сказала мать и заставила поздороваться Альку. – Вот пришли, как вы велели. Посмотрите Альку – ему можно на следующий год в школу?

Женщина велела матери сесть на стоявший в углу табурет и подозвала Альку:

– Подойди сюда! Скажи, как тебя зовут?

– Алька, – сказал он.

– Ну, это мама тебя так зовёт, а имя твоё как?

Алька ответил.

– Хорошо. Скажи, пожалуйста, ты считать умеешь?

– Умею.

– Ну сосчитай от одного до двадцати.

Алька сосчитал и сказал:

– Я до ста могу.

– Хорошо, – сказала женщина. – А складывать или вычитать ты умеешь?

– Ага.

– Ну-ка, сколько будет два плюс три?

– Пять.

– Молодец.

Она ещё поспрашивала Альку по сложению с вычитанием и осталась довольна.

– Ну а читать ты умеешь?

– Умею.

– Прочти, пожалуйста, вот на этой странице, – и придвинула Альке книгу с текстом.

Алька узнал этот рассказ – он несколько раз сам читал его дома. Там было написано про маль-

чика по имени Филипок. Алька всегда удивлялся такому чудному имени, но отрывок рассказа женщине прочитал без запинки.

– Ну а какие города ты знаешь?

– Ленинград, Москва, Рязань, Ташкент.

– Ну что ж, ты молодец, – и, обращаясь к матери, сказала: – Я о вас поговорю в гороно, запишу на приём, приходите на подтверждение весной, в конце мая. Думаю, мальчика в школу примут.

Возвращались домой радостные. Мать была довольна удачным разговором с директором школы, Алька рад, что в школу ещё не скоро и что монетка на месте. Погода менялась.

Алька недолго поворочался, взбил подушку и стал вспоминать события дня. Каша в голове из переживаний в школе, перемены погоды и планов на завтра принесла усталость, и он уснул.

А через несколько часов пришла настоящая зима. С вечера пошёл снег, за ночь навалил сугробы, не прекращал идти утром, и лишь к обеду небо слегка прояснилось. Снегопад утих. Но после обеда начался вновь и не прерывался уже до следующего утра. Мороз был несильный. Дворник на улице лопатой разгребал снег и незло ругался.

Алька глянул в окно, и дух перехватило: снегу было навалено под самые окна. Нетронутые сугробы звали и обещали. Лишь бы снег не подвёл. Он немедленно пошёл отпрашиваться на улицу, и его отпустили погулять.

– Только недолго!

В валенках, тёплом пальто, зимней собачьей шапке и вязаных варежках Алька вывалился во двор с единственной целью – выяснить, снег липкий или нет. Взял горсть снежка, пушистого, но слегка влажного, и стал лепить шарик. Получился он легко – плотный и прочный. Затем Алька со знанием дела положил его на снег и стал катать по сугробу. Комок быстро вырос в размере, и Алька, кинув его подальше, бросился домой за своей деревянной лопаткой – у него родился замысел. Алька решил отрыть тоннель в сугробе с несколькими рукавами и потом... Потом он ещё не придумал, но времени терять не стал. С лопаткой в руке свернув за дом, Алька остался один – все звуки, весь дворовый шум, ругань дворника ушли на задний план. Фантазия уже нарисовала ему этот тоннель, оставалось её воплотить, и он приступил.

Трудился Алька самозабвенно, со знанием дела. Снег поддавался легко, лопатка помогла вырыть в сугробе две длинные норы навстречу друг другу, которые Алька вскоре соединил между собой, и от места их встречи отрыл ещё один рукав тоннеля. Получилось очень даже неплохо. Сооружение было не слишком заметно на поверхности, как и хотел Алька, но довольно просторное внутри. По нему можно было проползти на коленках, не ложась на живот. Прошло уже часа три – пальто, штаны и варежки от снега стали мокрыми, но в самый раз, чтобы мать не заругала. Вскоре работа была закончена, довольный Алька пошёл домой, обдумывая по пути, кого из пацанов позовёт играть в этом тоннеле. Дома мать поругала его немного за сырые валенки, повесила мокрую одежду сушиться на верёвку около горячей печки и велела идти обедать. Еда после таких трудов казалась Альке просто сказочно вкусной, и он даже попросил добавку супа. Пока обедал, уже придумал, что позовёт соседского Игоря – ведь они с ним дружили и были почти ровесники.

Они поиграют в тоннеле в войнушку, а потом в догонялки со снежками. Одежда высохла. Мать, довольная, что Алька так хорошо поел, снова отпустила его гулять, и он, уже одетый и обутый, направлялся к двери, когда в окно кухни прилетел снежок. Когда Алька подбежал к окну и припал к стеклу, снаружи словно ждали его, и тут же прилетели ещё два снежка один за другим.

Оба легли прямо напротив его лица по другую сторону окна.

– Алька, гляди!

И Алька увидел. Его тоннель был уже наполовину сломан. Смят и разрушен. Пространство рядом вытоптано. Соседский Игоряха с каким-то пацаном не из их дома разбежались, прыгали на крышу тоннеля, проваливались сквозь неё и там, в снежной каше разрушенного, весело барахтались, смеялись и радовались.

– Смотри как здорово. Беги, Алька, к нам!

И Алька побежал. Он выскочил на улицу, свернул за дом и, уже не стесняясь брызнувших из глаз слёз обиды, набросился на ближайшего пацана – Игоряху. Толкнул его, повалил на снег и стал пинать ногами, громко крича:

– Гад, сука, гад, сука!

Странно со стороны звучали эти слова из уст маленького мальчишки, но Алька себя не слышал, а только хотел сейчас уничтожить этого Игоряху. Через секунду, прекратив его пинать, Алька бросился на второго пацана. Тот выставил вперёд руки и попал ему в лицо. Из носа брызнула кровь, и Алька пришёл в ярость.

Он начал лупить пацана руками, пинать ногами, не помня себя и выкрикивая всю ругань, слышанную им от взрослых во дворе. Он не понимал смысла слов, вкладывая в них лишь свои обиду и беспомощность. Пацан испугался, опрокинулся, отступая, и заорал от страха. Алька, заметив, как Игоряха начал вставать со снега, чтобы бежать, вновь подскочил к нему, навалился и стал лупить по лицу:

– Гад, гад!

А Игоряха орал:

– Алька-а-а, я больше не буду!

Ор стоял такой, что все в доме повыглядывали в окна. Из подъезда выбежал Алькин отец и с силой оттащил сына от избитого Игоряхи, а подоспевшая мать Альки повела его, уже слегка остывшего, домой. Дома его пытались расспросить, что произошло, но он всё время всхлипывал и ничего не говорил. Бабушка приложила ему на нос холодный мокрый носовой платок. Кровь идти перестала.

Пришёл сосед дядя Иван и всё разъяснил родителям:

– Он чё-то там строил из снега, эти подсмотрели. Ну а когда ушёл, этот остолоп из соседнего дома, молодой да ранний, моего бестолоча и подговорил. Они давай куражиться – вот ваш и взбеленился. Ну я уж своему-то всыпал.

Альку отвели в его комнату и оставили в покое. Он там сидел за столом и ожидал наказания за драку, но его никто не тронул.

Просидел он до вечера, поел и лёг спать.

Алька провалился в сон, едва коснувшись подушки. Проснулся на своей солнечной полянке. Попробовал взлететь – не получилось. Сейчас он был какой-то тяжёлый. Тогда, высмотрев тропинку, направился к Своему Дому. Остановился ненадолго перед дверью, затем открыл её. Шагнул – за дверью школьный коридор. Обернулся – за спиной тоже. Длинный и слегка освещённый, не так ярко, как в школе. Коридор, длинный в обе стороны, был похож на тоннель. Одно крыло уходило в темноту и терялось в ней, у второго виднелся тускло освещённый край, и, кажется, там можно было разглядеть ступени лестницы. В коридоре стояла тишина. Алька стоял и раздумывал, куда пойти. Темноты он не боялся, но решил, что там ничего не сможет рассмотреть, а надо пойти к свету и поискать выключатель. Включив свет, он обследует и вторую часть помещения. Но, сделав всего пару шагов, Алька увидел, к своей радости, на стене выключатель. Тот был расположен невысоко, и мальчик, подойдя к нему, щёлкнул клавишей. В неосвещённой части коридора стало светло, он повернулся и отправился туда. Прошёл уже горящий светильник на потолке, как вдруг тот издал хлопок, лампа, ярко вспыхнув, перегорела, и Алька оказался в плотной тьме. Оглянувшись, увидел за спиной

маленький квадратик света на другом конце коридора. Успокоился. Как вдруг темнота, ещё более плотная, чем та, в которой находился, вокруг него зашевелилась. Алька явно ощутил её движение. И эта тёмная плотность издала громкий чавкающий звук. Алька бежал быстро, но сейчас разворачивался с намерением бежать из этого места так медленно, словно застрял в жидкой осенней глине. Ноги и всё тело стали чужими – они не слушались, мышцы сделались ватными, и Алька испугался. Уже вполоборота увидел за спиной огромную оскаленную чёрную морду, похожую на собачью, которая собиралась загрызть его. Но Альке удалось преодолеть вязкое ощущение в теле. Он вспомнил, как по осени проходил дорожную грязь прыжками с одной ноги на другую. Грязь не успевала смыкаться под ногой, и у Альки получалось делать следующий прыжок. Он прыгнул. Прыжок был короткий и недалёкий, но получился, показав способ спасения, и Алька не стал ждать – рванул к маленькому светлому квадратику. Оскаленная чёрная морда, не ожидав такой прыти, рванула за Алькой чуть позже.

Проснулся Алька утром с ощущением каменного тела. Все мышцы были скованы. Он вспомнил вчерашнюю ссору и, не видя выхода из неё, захотел тут же уснуть и никогда не просыпаться. Но на память пришёл страшный сон, и Алька передумал засыпать. Так бы и лежал, не появившись бабушка.

– Вставай, милоч, – сказала она, – много не належишь.

Алька встал, тяжело пошёл умываться, тяжело оделся, сел на стул в комнате и стал чего-то ждать. Появилась мать и сказала:

– Алька, пообещай мне, что больше никогда не будешь так ругаться, как ты это делал вчера! И что драться больше не будешь.

У Альки потекли слёзы, и он сказал:

– Я больше никогда так делать не буду – ругаться и драться.

– Вот и хорошо!

Алька понял, что он прощён.

– А ещё тебе надо помириться с Игорем – вы же друзья. Ты попросишь у него прощения, а потом ты попросишь прощения у его родителей – тёти Насти и дяди Ивана. Ты согласен?

Алька кивнул – слёзы уже градом катились из его глаз, а он прятал их, наклонив низко голову.

– Вот и хорошо, посиди пока тут, я тебя позову.

Алька остался в комнате, дверь прикрыли, но Алька услышал, как пришла тётя Настя, о чём-то коротко переговорила с матерью и бабушкой, затем ушла.

– Иди сюда, Алька, – позвала мать.

Он вышел в прихожую, мать взяла его за руку, и они пошли к соседям. Открыли незапертую дверь, вошли. В прихожей стояла тётя Настя и держала за руку зарёванного Игоряху.

– Ну, – сказала она, – голуби сизокрылые, миритесь, пока волки спят!

Алька, высвободив руку, подошёл к Игоряхе и произнёс:

– Игоряха, прости меня за вчерашнее, я больше так не буду!

У Игоряхи рванули слёзы, но он тоже сказал:

– Алька, прости меня, я тоже так больше не буду!

– Вот и молодцы! – сказала тётя Настя. – Живо обнимитесь, как друзья.

Алька с Игоряхой обнялись, и обиды двух друзей схлынули прочь.

– А теперь умываться и ко мне в кухню на блины.

Заметно повеселевшие, оба пошли умываться. Воду брали не из умывальника, а поливали друг друга из ковшика, как взрослые, и под конец, видимо, помирившись совсем, даже забрызгали друг друга. Вышли к столу уже без следов обиды, и только по паре царапин на лицах – да у какого пацана их нет?

Появился дядя Иван:

– Помирились? Молодцы! Вот вам гостинец за это, – и, достав из кармана брюк свёрток, развернул его и вручил обоим по громадному куску белого колотого сахара. – Чтоб дружбу помнили! – сказал он.

– Потом сгрызёте! – сказала тётя Настя. – А сейчас блины готовы да чай.

Алька завернул свой сахар в кусок бумаги и положил в карман штанов.

На тесной кухне, казалось, собралась тьма народа: родители, бабушка, дети. Все о чём-то говорили и пили чай с блинами. За окном стояла зима, на кухне было тепло, никто никуда не торопился. День сегодня у всех задался.

Потом они с Игоряхой пошли к Альке смотреть коллекцию фантиков, и Алька подарил Игоряхе пару очень редких, от конфет, которые отец привёз из Москвы, из командировки.

Потом они вместе рисовали, после пришли родители, и все играли допоздна в лото. Спать разошлись, когда у детей стали слипаться глаза. Да, день сегодня удался.

Заснув, Алька сходу попал во вчерашний сон. И оказался прямо в коридоре, по которому за ним из темноты рвалась оскаленная чёрная морда, похожая на собачью. Алька тут же бросился прочь. Сегодня у него имелось преимущество – он был по-прежнему лёгок, и расстояние между монстром и Алькой стало потихоньку увеличиваться. Он ворвался на светлую, освещённую единственным светильником площадку перед лестницей и не раздумывая взлетел по ней на второй этаж.

Там, к счастью, тоже был свет. Монстра перед лестницей занесло, но он мощно развернулся и стал высматривать жертву. Не найдя Альку на площадке, стал поднимать морду, и тут светильник над ним погас – света внизу не стало. Алька не рассмотрел толком это Чудовище и снова видел только морду и клыкастую пасть.

Монстр стал взбираться по лестнице, и тут Алька, не издав ни звука, вдруг подошёл к краю площадки, топнул по ней правой ногой и тут же взлетел под самый потолок, потому что лестница вместе с Чудовищем медленно оторвалась и, разломившись на две-три части, грохоча, с треском обрушилась вниз, придавив клыкастую морду. Раздался мощный рёв, и затем опустилась тишина. Картина с замершим под потолком Алькой и обрушенной внизу лестницей стояла секунд тридцать, а затем снизу, из темноты, раздался жалобный собачий скулёж. Алька осторожно опустился на сломанный край площадки, и тут же заработал погасший последним светильник, озарив обломки лестницы и кусок толстых перил, придавивший лапу – Алька не поверил глазам – их дворовой собаке Найде.

Найда лежала на полу, скулила, пыталась вытащить лапу из-под дерева и подвывала, когда было невозможно. Алька слетел вниз и подошёл к собаке. Опасности он больше не чувствовал.

Найда увидела его и перестала дёргаться. Алька приподнял обломок, и Найда, выдержав лапу, ускакала на трёх ногах в оставшуюся темень коридора, но слышно было, что недалеко.

Альке стало не по себе, он сел на корточки и стал ждать. Ожидание длилось минуты две-три, и вот из темноты показалась... Найда. Подошла, хромя, к Альке и ткнула ему в штанину. Алька погладил собаку по голове, почесал за ухом, встал и вспомнил, что у него в штанах лежит кусок сахара, подаренный дядей Иваном. Он достал свёрток, развернул и скормил весь сахар собаке.

– Он всего лишь накормил её! Удивительно! – раздался голос, и Алька тут же был выброшен из своего сна.

Проснулся Алька рано. Тихо встал, пошёл попил воды, заглянул на кухню сквозь щёлку в двери – там бабушка творила свою утреннюю молитву – и отправился досыпать. Сон не шёл.

Ощущал Алька себя непривычно бодрым. Провозившись несколько минут, он тихо оделся, взял книгу, сел поближе к окну – утренний свет уже пробивался серым – и, подсвечивая себе фонариком, стал читать.

– Вы посмотрите на него, на читаря нашего! – голос матери разбудил Альку, заснувшего за чтением у подоконника. – Глаза решил испортить? Дня тебе мало? А ну-ка умываться и завтракать.

Позавтракав, Алька собрался и вышел на улицу. На крыльце лежала Найда – грела нос. Увидев Альку, она вскочила, подошла, встала на задние лапы и, уперев передние ему в плечи, стала облизывать Альке лицо.

– Фу, Найда, фу! – приказал Алька и, вдруг вспомнив что-то, сунул руку в карман штанов. Сахара в кармане не было.

Незадолго до Нового года отец уехал в командировку в Москву. Сказал, что ненадолго, и через день-два вернулся рано утром, разбудив Альку громкими весёлыми разговорами на кухне.

Алька послушал, как мать всё время говорила: «Да тихо ты – ребёнка разбудишь!» – но, уже окончательно проснувшись, встал, пошёл одеваться и обнаружил на полу посреди комнаты огромную коробку. Подошёл к ней и в сером утреннем свете прочитал вслух: «Телевизор», – и ничего не понял. Мать услышала Альку, заглянула в комнату: «Разбудили всё-таки! Ну, раз встал – умывайся и приходи на кухню». Быстренько выполнив приказ матери, Алька явился и обомлел. На столе развалом лежали московские гостинцы: целая гора конфет, из-под которой виднелась пачка с крекерами, пара банок со сгущённым молоком, несколько лимонов и лежавшие кучкой какие-то маленькие оранжевые помидоры. Заметив Алькин взгляд, отец сказал: «Это мандарины». «Мандарины», – повторил Алька. Над столом витал и разносился по всей кухне запах шоколада и, видимо, этих самых мандаринов. Запах Альке нравился – даже слюнки потекли. «Это на Новый год», – сказала мать и быстро спрятала всё в кухонный шкаф. Мандарины сложила в тряпичный мешок и убрала за окно, между рамами. Одну конфетку она дала Альке, чтобы обидно не было. «Цитрон», – прочитал Алька на обёртке. Развернул. Из-под фантика пошёл запах лимона. Долго не думал – съел. Вкуснотища!

– Ну как, понравилось?

– Ага.

– Теперь – до праздника! И в шкаф у меня не лазить! Понятно?

– Ага.

Эти Алькины «ага» не вдохновили мать, и она заперла дверки шкафа на ключик, который убрала к себе в карман.

– Ну, Алька, пойдём телевизор ставить, – сказал отец.

Алька тут же вспомнил большую коробку на полу.

– А что это такое?

– Ну, это такое устройство, как радио у нас на кухне, только размером побольше. И ещё у него есть стеклянное окно, называется экран. Вот на этом экране мы будем видеть тех, кто говорит по радио.

– И разговаривать с ними будем? – спросил Алька.

Сама идея телевизора Альку, видимо, не удивила, а вот разговаривать по телевизору было бы здорово.

– Нет, разговаривать не получится, только слушать. Но зато сможем увидеть и кино, и концерт, и даже футбол!

Смотреть концерт Альке понравилось, а к футболу он был равнодушен, хотя отец иногда играл с мужиками с работы на лугу около Синючки и иногда ездил в город «смотреть футбол

и там болеть». Как «болеть» на футболе, Алька уже знал: надо громко кричать «Го-о-о-л!», когда мяч залетит в ворота. Альку брали несколько раз на этот дворовый футбол, но он кричал «гол!», когда мяч залетал в любые ворота. Отец обижался и объяснял, что надо болеть только за «наших», но Альке всё равно было скучно на футболе, и его перестали брать.

Отец распаковал коробку, вытащил из неё ящик со стеклом и водрузил на стол.

– Вот он! Телевизор! Сейчас мы его подключим и проверим.

Он воткнул шнур с вилкой в розетку и нажал клавишу на телевизоре. Внутри телевизора что-то пискнуло, и через несколько секунд экран засветился. По экрану бежали полоски, потом замерцала серая рябь, опять полоски. Альке понравилось. Он глядел на экран и попробовал эти полоски считать, но они не кончались, и Алька отложил это занятие на потом.

– Ну вот. Не работает. Сломался, пока вёз, – сказала мать. – Теперь обратно в Москву везти?

– Ничего не сломался, – сказал отец. – К нему антенну надо подключить. Сегодня с мужиками я договорился, мне и антенну уже сделали, и кабель приготовили. А ремонтировать в Москве не надо – в городе телеателье для ремонта есть уже. Слова «кабель» и «телеателье» Альке понравились, и он их запомнил.

Утро уже перерастало в день, когда в квартире появились громогласные незнакомые мужики и, то и дело произнося вперемешку слова «телевизор», «антенна», «провода», «штепсель», «кабель», «розетка», принялись что-то сверлить и приколачивать.

Алька сначала смотрел на эту работу, потом мать его собрала и выпроводила на улицу. Около крыльца уже гуляла стайка пацанов в ожидании новостей. Алька спускался с крыльца разве что не на руках. Ещё бы – первый и пока единственный в доме телевизор был у Алькиных родителей.

– Алька, ну что там? – спросил кто-то из пацанов.

– Кабель тянут. На крыше двое мужиков антенну крепят, скоро подключат, – сказал Алька словами, услышанными от взрослых, и компания от восторга выпала в осадок.

– Скоро уже, значит.

– Да обычный телевизор, – сказал один из пацанов, – у меня у дядьки, папкиного брата, в городе такой есть.

– И ничего не такой, – заспорили с ним. – Это новейший. Мужики говорили, когда курить выходили: «С большим экраном. Таких пока раз-два и обчёлся».

– Да, они пока только в Москве продаются, – поддержал ещё один голос.

– Подумаешь – ничего особенного!

– Ну раз ничего, то можешь и не смотреть, – сказал кто-то, и наступила тишина.

Насчёт посмотреть не знал даже Алька. Он и сам-то не представлял себе, что значит «смотреть телевизор», а тут ещё и за пацанов просить у родителей надо будет.

– Да погодите вы, – выручил Альку Игоряха, – пусть подключат сперва. – Там ещё кабель не провели, а он казённый – мужики говорили.

Слово «казённый» всех успокоило, хотя что это такое, не знал из них никто. Все расположились около крыльца и стали ждать. Потом пошли поиграла в снежки, болтали по мелочам и ждали полудня. Наконец, мужики вышли, распрощались до вечера, на крыльцо вышла Алькина мать и сказала:

– Ну, идите все в дом – там как раз для вас показывают.

Дети чинно вошли в дом, разделись в коридоре и прошли в комнату родителей Альки, где на письменном столе стоял включённый телевизор. Расселись на расставленные уже табуретки и стулья и стали смотреть первую в их жизни телевизионную передачу.

*Конец второй сказки
Когда Два из четырёх
Поменялись местами,*

Мир уподобился песочным часам,
А желания обернулись Заботой

Хранитель Заботы Сказка, которой нет

Вечером в квартире Альки собралась толпа народу. В основном это были соседи по дому, ну и мужики, делавшие монтаж антенны и кабеля. Все пришли посмотреть телевизор. Читали программу и спорили, с чего начать смотреть. Потом решили, что посмотреть надо всё и будут переключать передачи по очереди. Алька уже порядком устал от впечатлений и сидел на стуле – клевал носом. Его проводили в свою комнату спать.

Проснулся Алька почему-то весёлым. Умылся, позавтракал, глянул в окно – солнце, ветра нет, и отпросился гулять. Надел пальто, валенки, свою любимую шапку и быстро скользнул за дверь. Во дворе было тихо. Спустившись с крыльца, Алька решил пухнуть снежком в фонарь на столбе. Лампы там давно уже не было, поэтому взрослые на это ругались редко, а вот попасть в фонарь Альке удалось лишь один раз, в начале зимы.

Хотел надеть варежки, но оказалось, что забыл их дома. Уходить не хотелось. Алька слепил и запустил пару снежков, но промахнулся. Пока лепил, ладони замёрзли, и он побежал домой за варежками, а заодно глотнуть горяченького чайку. В коридоре разделся, разулся, открыл дверь и вошёл в зал Своего Дома.

Справа, в углу зала, стояла наряженная, сплошь усыпанная нитями дождя новогодняя ёлка. Ёлка была высокая, почти до потолка, с серебряной стеклянной пикой на макушке. Увешанная многочисленными игрушками, поверх которых спиралью извивалась электрогирлянда из разноцветных мигающих лампочек. Под самым потолком были натянуты флажки с весёлыми человечками из журнала «Мурзилка».

Алька обрадовался, подошёл к ёлке и увидел под ней на полу маленькую, размером с банку из-под леденцов коробочку, перевязанную зелёной атласной лентой с бантиком.

– Бери, Алька, это тебе подарок, – услышал он за спиной.

Обернулся и увидел Колдуна. Колдун был одет в строгий костюм с галстуком.

– Смелее, Алька! – раздался голос КаРы, спускавшейся с лестницы второго этажа.

Алька взял коробочку, развязал ленточку и открыл крышку. Из коробки тотчас вылетела переливающаяся всеми оттенками сапфира и рубина бабочка величиной с Алькину ладонь. Вылетев и покружив перед мальчиком, она села сначала к нему на руку, а затем перелетела на плечо. Расправив крылья, замерла там, то и дело вспыхивая искрами на крыльях. Алька замер и не шевелился.

– Мы знаем, Алька, как летом ты хотел поймать бабочку. Считай, что ты её поймал, и теперь она всегда твоя, как и Этот Дом. Иди, Алька, спокойно – она никуда не улетит, если только не спрячется обратно в коробку.

– А как она называется? – спросил Алька.

– Называй её Рубицель.

– А кто она, Рубицель?

– Она – поплавок, – засмеялся Колдун.

Алька закрыл коробку, и бабочка исчезла с плеча. Коробку он положил на подоконник.

– Ну что, традиционно попьём чайку? – спросил Колдун и пригласил всех на кухню.

Все прошли за ним. Чай, как всегда, у Колдуна был уже готов. Оставалось разлить по чашкам.

– А ну-ка, Алька, доставай свой сахар из кармана.

Алька автоматически опустил руку в карман штанов и нащупал там бумажный свёрток. Достал, развернул его и удивлённо обнаружил тот самый кусок сахара.

– Давай-ка его сюда, – Колдун забрал сахар и начал его колоть маленькими щипчиками.
– Так его же Найда съела... – то ли спросил, то ли подтвердил Алька.

– Ну, раз Найда сахар ела, то и нам сахарку не грех, – смешило сказал Колдун. Все рассмеялись и принялись пить ароматный чай с сахаром.

– А вот хочу рассказать тебе, Алька, – вдруг заговорил Колдун, – про второго Мага. Рано или поздно тебе придётся с ним встретиться. Это Маг Благополучия, или Заботливый Маг. И он – Хранитель Угрозы Крепости Человека, а его конёк – это Угроза Здоровью. Сам по себе он не страшный и даже выглядит очень по-доброму. Но он всегда порождает в Человеке Страх Недостижения Цели. Объятый этим Страхом человек ходит только Путиами, указанными этим Магом, и со временем сначала перестаёт видеть Пути Собственного Предназначения, а потом и вовсе их пугается. Стоит Человеку, пленённому оным Магом, Достичь Цели, как тут же оказывается, что Ничего не Достигнуто и Надо Достигать Чего-то Нового. Человек на самом деле больше не движется к цели, а выполняет команды Второго, самого опасного Мага из Четырёх. В тебе, Алька, этот «добрый Чудоплёт» также будет порождать Страх Недостижения и даже может предложить помочь сделать за тебя твоё дело. Но тебе надо обнаружить этот Страх и уйти от него. И лучше будет, если ты вообще уклонишься от любого из Путей. Дело это трудное, поэтому на помощь тебе придёт твой Проводник-Аватар.

– А кто такой Проводник-Аватар? – спросил Алька.

– Он – твой помощник, и ты его обязательно узнаешь, – улыбнулся Колдун.

– Любишь ты, Колдун, против шерсти приласкать, – КаРа остановила речь Колдуна. – Хватит страшилок. Пойдём, Алька, на свежий воздух. Скажи, давно не летал? – спросила Ведьма. Алька кивнул и вместе с ней пошёл к выходу.

Одевшись, вышли. На КаРе поверх платья был только овчинный жилет и короткие валенки на ногах. И ещё: на улице у неё очень сильно стали сверкать глаза. Один – глубоким изумрудно-зелёным цветом, а второй – необыкновенно коричневым с золотыми искрами. Альке даже показалось, что они светились, хотя было светло и кругом блестел снег.

– Дай мне руку, – сказала КаРа, и когда Алька вложил свою ладонь в её, они неожиданно поднялись над землёй до уровня крыльца.

– Не страшно? – спросила Ведьма.

– Не-а, – ответил Алька, и они, взявшись за руки, полетели над землёй от дома в сторону перелеска.

КаРа остановилась над ближайшей почти круглой поляной, прямо в центре. По краю поляны росли молодые сосны, укрытые тяжёлыми шапками снега, из-под которых пятнами выглядывала зелень веток. Тишина.

– Полетаем? – спросила Ведьма.

– Ага, – отозвался Алька.

КаРа с Алькой сместились ближе к соснам и неожиданно для Альки медленно, с небольшим ускорением полетели по окружности поляны, постепенно набирая скорость и сужая круги. И вот, когда они уже бешено кружили у самого центра, она запела: «И-и-и-и-и-Га-а-а-а-а-Ра-а-а-а-а-а-а-а!» Глаза её полыхнули смесью зелёного и золотого огня. И они с Алькой прыгнули вверх с такой скоростью, словно пушка выстрелила их телами, как снарядами, и так высоко, что когда их полёт прекратился, Алька не видел под собой ни Земли, ни Луны, ни хоть сколь-нибудь знакомых очертаний созвездий. Вокруг были разлиты Тишина и Темнота, в которую вдавлены сверкающие огоньки звёзд. А в центре этого блаженства, взявшись за руки, замерли два существа – Ведьма КаРа и Алька-Пацан.

– Не страшно, Алька? – снова спросила КаРа.

– Нет, не страшно.

– Ну тогда смотри, – и после этих слов Темнота стала светиться. Она начала испускать тёмно-фиолетовый свет, постепенно сменившийся на ярко-розовый, вдруг, в одно мгновение, ставший ослепительно серебряным и прозрачным сиянием, погасившим блеск звёзд на собственном фоне.

– Что это? – спросил Алька.

– Это – Свеча Ведьмы, Алька, а вокруг нас Тьма.

– А почему она такая яркая?

– Это Тьма Знания.

– А почему я её не боюсь?

– Потому что Тьмы боятся только те, кто её пугает, и те, кто не знает. Попробуй-ка ты теперь кого испугать Этой Тьмой!

Алька представил и счастливо рассмеялся.

– Ну, пора и честь знать, – сказала КаРа. – Закрой глаза и считай до двух.

Когда Алька открыл глаза, они с КаРой висели над поляной и ничто не указывало на то, что здесь только что было. КаРа приподнялась с Алькой над лесом и показала в направлении Дома:

– Смотри, узнаёшь место?

Чуть в стороне, недалеко от Дома, Алька рассмотрел знакомую аллею клёнов. Только клёны и пара лавочек под ними были по-зимнему в снегу. На одной из скамеек, стряхнув с краешка снег, сидела знакомая Альке фигурка.

– Ленка! – крикнул Алька и посмотрел на КаРу.

– Увидимся ещё, Алька, – лети уж!

И Алька полетел. Встал на землю рядом со скамейкой.

– Здравствуй, Алька! – сказала Ленка.

– Здравствуй, – улыбнулся во всё лицо Алька.

– Вот и встретились, как ты и хотел. – Алька не успел ничего сказать. – Поиграем?

– Ага, – ответил он.

И они, как летом, снова стали играть в «камень, ножницы, бумагу», после поугадывали мелодии, а потом Ленка сказала:

– Вот видишь, какое оно, наше место, замечательное. А теперь до свидания, Алька. Мне пора к себе. Увидимся скоро, – и, побежав в дальний конец аллеи, скрылась за углом школы.

Алька немного погрустил, но, вспомнив, что Ленка обещала скоро увидаться, повернулся и зашагал домой. Около дома пацаны играли в снежки.

– Алька, иди к нам в снежки играть! – позвали его. Алька подошёл, бросил пару снежков в кого-то, но ладони замёрзли, и он побежал за варежками, а заодно глотнуть горяченького чайку.

В коридоре разделся, разулся, открыл дверь и вошёл в квартиру.

– Алька, ты где блондишь? – спросила мать. – Пообедаешь и хватит гулять на сегодня. Отец ёлку привёз, наряжать будем – Новый год завтра, до праздника всего ничего.

Альке подумалось, что Новый год, кажется, должен быть послезавтра, а тогда куда подевался один день? Но матери он верил больше и успокоился.

Наряжать ёлку Алька любил. Ёлочных игрушек у них было много, и деревце после его стараний всегда становилось нарядным и красивым.

Среди игрушек были и его любимые: космонавт, еловая шишка и заяц. Их Алька всегда вывешивал на самые видные места. Ещё ему нравились большие и тяжёлые стеклянные шары разных цветов, но Альке не доверяли их развешивать – боялись, что разобьёт. Поверх игрушек всегда накладывался блестящий ёлочный дождь и крепились гирлянды из стекла. Макушку непременно венчала пятиконечная звезда из разноцветных стеклянных трубочек.

Ёлку наряжали с перерывами часа два, и когда закончили, все стали ею любоваться. Блестели игрушки, от слабого движения воздуха переливался дождь, и струились от самой макушки до пола гирлянды. Потом взрослые натянули под потолком вдоль стен и из угла в угол флажки на верёвочках с картинками весёлых человечков – и новогодняя сказка была создана. Пошли пить чай. Альке по случаю всеобщего хорошего настроения выделили ещё одну конфету – «Мишка на севере». Алька пил чай, хрустел конфетной начинкой и, наострив уши, с удовольствием слушал разговоры взрослых. Взрослые считали, что Алька ещё мал и ничего не понимает. Он и в самом деле ничего не понимал ни в «получке», ни в «премиальных», ни в «окончаловке», ни в «тринадцатой». Но зато знал точно, что значит – под праздник «отова-рять сгущёнкой», и уже предвкушал это. Пальцем в открытую банку со сгущённым молоком он уже лазил не раз, пока мать не видела. Риск – благородное дело, когда оно касалось сладостей.

После чаепития Альке разрешили нарисовать снежинки на окнах. Для этого ему предоставили акварельные краски, банку с водой и кисти, а сами ушли готовить стол и еду к празднику: варить овощи для салата, лепить пельмени, чтобы успели застыть за окном на морозе, мыть и протирать до блеска тарелки из фарфорового сервиза и бокалы с рюмками, двигать и раскладывать стол в комнате у родителей, накрывать его скатертью и много-много разных прочих мелочей, о которых Алька и не подозревал.

Он остался один и приступил к украшению оконного стекла. Рисовать снежинки его научили ещё в прошлом году, и он, зная принцип их изображения, теперь фантазировал вовсю. Так, сначала надо нарисовать пять, или шесть, или больше лучей из одного центра. Готово. Ну а потом добавляй себе какие хочешь иголки на этих лучах: хочешь – прямые, хочешь – треугольные, хочешь – связывай все лучи в паутину. Алька старался так, что даже высунул язык. Снежинки у него получались ровные, строгие и красивые, как настоящие. Потом изобразил на стекле ёлку, украшенную игрушками и звездой. Такую ёлку он подсмотрел на окнах школы. А Деда Мороза и Снегурочку срисовал с новогодней открытки. Отошёл от окна подальше, посмотрел критически, подправил Деду Морозу бороду и остался доволен.

– Ма-ам, ба-аб, – крикнул он в сторону кухни, – посмотрите, я нарисовал!

Мать с бабушкой пришли посмотреть.

– Ну художник! – бабушка всплеснула руками.

– Молодец. Красиво, – похвалила мать.

Вечерело быстро. Из кухни доносились вкусные запахи и звон посуды. Альке велели не вертеться под ногами, дали бутерброд с маслом и колбасой, стакан с чаем и велели, когда закончит, заняться чем-нибудь. Алька, перекусив, стал играть оловянными солдатиками. У него был целый набор в коробке. Он их расставил на полу, и они стали защищать от врага крепость, в которой стояла праздничная ёлка. Враги собирались забрать из-под ёлки все Алькины подарки и разбить самый большой стеклянный шар. Но как ни старались солдатики, враги один старенький шарик всё-таки разбили – не без помощи Альки, конечно. Он в пылу игры задел этот шарик, и тот упал на пол. Но Альку в честь праздника только поругали, осколки смели и велели быть аккуратней. Правда, мать через несколько минут, спохватившись, вернулась в комнату со словами:

– А стих-то, Алька, стих-то для Деда Мороза. А-ну давай повторяй быстрее!

– Да помню я его, мам, и без повторения.

– Смотри, не даст тебе подарка Дед Мороз – будешь знать!

Этот стих Алька рассказывал ещё в прошлом году и хорошо помнил его, но на всякий случай повторил. В Деда Мороза Алька свято верил. Этой его вере взрослые удивлялись, но никто не разубеждал, и взрослые поневоле сами становились жертвами собственного обмана, а может, Алькина вера помогала им в их небогатой настоящими сказками жизни. В десять вечера Альку умыли, причесали, переодели в праздничную одежду: новые носочки, новые серые брючки с ремешком, белую рубашку и галстук-бабочку.

Только собрались – раздался стук в дверь. Мать открыла, и в Алькину комнату ввалился Дед Мороз. Это был классический Мороз, как с картинки: шапка, брови, борода, шуба, пояс, посох, валенки и, конечно же, огромный синий мешок за спиной. Дед Мороз спросил у матери, хорошо ли Алька вёл себя в старом году, затем велел рассказать стишок. Мальчика поставили на табурет, и он громко и серьёзно прочёл:

*Новогодние деньки,
Снег морозный, колкий.
Загорелись огоньки
На пушистой ёлке.
Шар качнулся расписной,
Бусы зазвенели.
Пахнет свежестью лесной
От пушистой ели...*

Все радостно ему поаплодировали, сняли с табуретки, и Дед Мороз достал из мешка подарок. У мальчика захватило дух – это был настоящий большой набор цветных карандашей в коробке. Такой набор, только поменьше, Алька однажды видел у кого-то в гостях и с тех пор мечтал о нём. Карандашей оказалось не меньше двадцати, все они были уже заточены и разложены по цветам. Пока Алька пребывал в эйфории, забыв сказать «спасибо», Дед Мороз скрылся за дверью. Коробку у Альки отобрала мать: «До завтра, а то так и не уснёшь!»

Уже уставшего от суеты мальчика взрослые уложили спать, а сами пошли накрывать праздничный стол. Сквозь дрему Алька услышал, как пришёл отец, потом раздалась ещё какие-то голоса, и он окончательно заснул.

Новый год наступил. Погулявшие ночью горожане уснули под утро, и оно было тихое-тихое. Не шумели даже мыши под полом. Алька проснулся и одевшись пошёл к ёлке. На полу, спрятанный за самой крупной веткой, стоял подарочный прямоугольный пакет.

Из него выглядывал уголок открытки. Алька вытащил его из-под ёлки и, подойдя к столу, вывалил содержимое. Из пакета выпала сначала открытка, затем пачка печенья, а за ними небольшой лавиной выплыли конфеты – леденцы, ириски. Были там пара шоколадок – медалька и плитка, а также два мандарина и яблоко.

Он сначала прочитал открытку. В ней рукой матери было написано пожелание Альке расти большим и короткое поздравление с Новым годом. Открытку он положил в ящик стола и приступил к самому важному – сортировке содержимого пакета. Одной кучкой складывалось что попроще: ириски и леденцы, а второй кучкой – шоколадные конфеты и конфеты с начинкой. Печенье и фрукты собирались отдельно. В этот раз новых конфет было две: «Кара-Кум» и «Красный мак». Обе немедленно, одна за другой, были съедены. Вкусноти-и-ища.

Обёртки Алька вместе с фольгой-золотинкой бережно сложил в свою коробку с коллекцией фантиков. Ну что же – неплохое начало нового года. Остальные конфеты сложил обратно в пакет – надо будет угостить родителей, а часть использовать для обмена с пацанами во дворе. Конфеты можно было обменять на что угодно: хоть на карандаш, хоть на ключ от амбарного замка. У всех были разные приоритеты. Ходили слухи, что однажды какой-то пацан выменял у другого шоколадную медальку на велосипедный насос. А всем известно, что велосипедный насос был очень редкой и очень нужной пацану вещью. Закончив с конфетами, Алька достал альбом и карандаши. Расположившись на стуле поудобней, принялся рисовать. В этот раз он рисовал зимний лес с ёлками, укрытыми снегом, сказочного волка, который мчался сквозь лес к Ивану-царевичу, и летящую на метле Бабу-ягу. Цветных карандашей у Альки теперь было

много – к тем, что однажды отец привёз из ленинградской командировки, добавился замечательный новогодний подарок Деда Мороза. Рисунок получился удачным, и Алька, аккуратно вырвав лист из альбома и встав на стул, приставленный к шкафу, спрятал лист на крыше шкафа поближе к стене, где уже лежала коллекция его любимых рисунков. С удивлением обнаружил, что сегодня не пришлось привставать на цыпочки, чтобы дотянуться до края шкафа, и подумал: «Надо рост померить». Каждые полгода они с отцом измеряли друг другу рост, и Алька с удовольствием замечал, как быстро он растёт и что вот-вот догонит отца. Времени прошло порядком, и Алька даже не заметил, как проснулись взрослые и из кухни потянуло жареными блинами.

– Алька! С Новым годом! Иди на блины! – раздался голос из кухни. Мальчик блины любил и ждать себя не заставил.

Шли каникулы, и детей во дворе теперь всегда гуляло много. Недалеко от дома на пустыре был высокий, метров семи-восьми, бугор с длинным пологим откосом, из которого каждую зиму устраивали горку для катания. В этом году снега выпало особенно много, склон уже сильно накатали, и желавшие съехать вниз толпились целый день – от восхода и до заката солнца. Гору раскатали так, что она стала очень плотной и скользкой. Взобраться по ней напрямую было почти невозможно. Сбоку из снега соорудили широченные ступени, так что народ иной раз валом валил. Помещались все – площадка на вершине горы вмещала десятка полтора человек сразу. Гомон над горкой стоял знатный. Катались не переставая и поодиночке, и кучками, и толпой. Алька уже скатился с горы несколько раз, дожидаясь, когда поток взрослых схлынет.

Спустя пару-тройку дней после праздника, гуляя во дворе, Алька обнаружил некоторую суету и торжественность среди пацанов. Словно все что-то знали и чего-то ждали. Так оно и было. Появился сосед Альки дядя Иван со связкой ключей и направился к сараю. Открыв огромный амбарный замок и распахнув настежь широкую дверь, он вошёл внутрь. Пробыв там несколько минут, вышел, держа в руках длинную верёвку.

– А ну, пацаны, – крикнул он, – идите-ка сюда!

Человек с десятков подошло, и он велел им, взявшись за верёвку, тянуть:

– Ну-ка, потянем, ребяташки!

Алька обомлел – из сарая плавно выкатывались сани. Самые что ни на есть настоящие огромные плетёные сани. Такие, какими их рисовали на новогодних открытках с тройкой лошадей и Дедом Морозом. Два мощных дважды гнутых полоза, огромная люлька с высокими бортами и высоченной спинкой. Всё сплетено из лозы. Часть перевязи укреплена сыромятной кожей, ссохшейся со временем до вдавления в дерево. Сани были не старые и очень крепкие с виду.

– В колхоз ездил за ними! – с гордостью сказал дядя Иван. – Там они уже не нужны, машины кругом, я и выпросил у председателя. Лошадей ни у кого там нет, а сани сгниют. Будем с горы сегодня кататься.

Крики радости оглушили Альку, тоже уже стоявшего рядом с санями. Да и сам он орал вместе со всеми громкое «Ура!» Сани дружно покатали-потолкали к горе, к подножию, и всем было велено разойтись в стороны на случай схода саней. Привязав к задку длинную верёвку, взобравшись на вершину, человек шесть-семь во главе с дядей Иваном стали подтягивать сани. Наконец они оказались наверху.

– Ну, кто со мной? – спросил дядя сосед.

Желающих поначалу было не густо. Всего два пацана постарше залезли в сани. Отвязали верёвку, крикнули «Разойдись!» и толкнули. Сани тяжело пошли, но уже через пару метров стали набирать скорость и, со свистом проскочив подножие, улетели далеко в пустырь, мет-

ров на сорок. «Ура-а-а!» – опять закричали все, побежали за санями, и уж теперь отбоя от желающих не было. Дядя Иван руководил процессом. Пацаны садились в сани не больше чем по пять человек, и они со свистом, под визг и крики летели вниз. Затем их на верёвке тянули в гору. Альке тоже посчастливилось прокатиться два раза. Неожиданно для него во время спуска крики извне слышались не так громко, и когда сани неслись с бешеной скоростью вниз, так живот поджимало и дух захватывало, что орать самому не было сил. Казалось, сани мчатся в полной тишине, и только скорость завораживала и заставляла восхищаться происходящим. Алька был доволен необыкновенно. Дальше он просто смотрел, как катаются другие, помогал тянуть сани на гору, орал вместе со всеми «Ура!», командовал, чтобы разошлись зеваки у подножия. В общем, активно участвовал в испытании нового транспортного средства для катания с горы. Стало незаметно темнеть. Пока малышня каталась под присмотром, подтянулось поколение постарше и, отправив младших по домам, продолжило обкатывать новинку самостоятельно.

Дома Алька получил нахлобучку от матери за то, что поздно пришёл, но был прощён и накормлен. Однако потом мать, посадив его за стол, заставила читать какую-то книгу. За этим занятием он благополучно заснул.

Сон пришёл странный и неожиданный. Алька очутился в каком-то незнакомом ему городе. Стояло лето, светило солнце. И хотя в городе он никогда не был, это был точно город, который полностью соответствовал Алькиным представлениям. Мальчик стоял посреди улицы с мыслью, что ему надо что-то купить, и никак не мог вспомнить что. Озирался, словно ища помощь или подсказку, но на улице никого не было. Не было ни одного человека, и даже прислушавшись, Алька не уловил ни единого звука, указывающего на наличие людей. Только где-то, удаляясь от Альки, слышалось карканье летевшей вороны. Он сунул руку в карман и нашёл там двадцать копеек. Ну да, всё правильно – ему дали двадцать копеек на покупку чего? Надо вспомнить. Метров за тридцать от себя он вдруг заметил стеклянную витрину магазина и направился к ней.

Подойдя поближе, увидел вывеску «Булочная», а через стекло витрины рассмотрел продащицу, которая стояла за кассовым аппаратом и пересчитывала мелочь. Он открыл дверь и подошёл к прилавку.

– Здравствуйте!

– Здравствуй. Тебе чего, мальчик?

– Мне надо купить, а я забыл что.

– Хлеб?

– Наверное. Нет, не хлеб. Я сейчас припомню.

И он вспомнил:

– Мне надо глюкозы.

– Глюкозы? Ну так тебе надо в аптеку, – сказала продащица.

– А где тут аптека?

– А как выйдешь, поверни за угол магазина и на пригорочке увидишь аптеку.

– Спасибо! – поблагодарил Алька и вышел из булочной.

Немного задержавшись на крыльце, оглянулся – на двери висел листок бумаги с надписью «Закрывается на ремонт». Почему-то не удивившись, Алька повернул налево и, прошагав до угла, повернул. Действительно, подалее за булочной, на пригорочке, стоял кирпичный одноэтажный дом с вывеской «АПТЕКА». Он направился к зданию, но почему-то никак не мог его достичь. Вот аптека совсем рядом, в окне витрины горит свет, и внутри маячат силуэты людей, но Алька ни на метр не приблизился к ней.

Он остановился и услышал за спиной: «Эй, мальчик, ты с другой стороны дома зайдёшь».

Алька обернулся – на улице стояла и кричала ему продащица из булочной. Он вернулся и пошёл в аптеку с другой стороны дома. Проходя мимо двери хлебного магазина, увидел листок с надписью «Приём товара». Не обращая внимания на странную смену объявлений, двинулся дальше. Зайдя за угол, снова увидел аптеку и направился к ней. На этот раз она стояла на месте, но когда Алёк подошёл, то обнаружил, что на дверь крест-накрест прибиты две доски, а поверх одной из них висит пожелтевшая бумага со словом «Закрѳто».

Алька осмотрелся вокруг – ни души. Снова прочитал надпись.

– Аптеку ищешь? – раздался чей-то голос.

Обернувшись, Алёк увидел Колдуна.

– Здравствуй, Колдун! – обрадованно сказал он.

– Мальчик, ты меня перепутал с кем-то. Или заигрался совсем. Ты что-то ищешь?

Голос Колдуна-не-Колдуна был не похож на голос его знакомого, и Алёк сказал:

– Дяденька, мне аптека нужна, глюкозы купить.

– Ишь ты, глюкозы ему. Глюкоза нынче всем нужна, а тебе, небось, для баловства.

– Да нет. Мне купить велели. И денег дали, двадцать копеек, – и полез в карман за монетой.

– Ну тогда иди в ближайшую аптеку!

– А где она? – Алёк поднял голову, но никого перед ним не было.

«Где же мне аптеку-то найти? – подумал мальчик. Ему вдруг до зарезу стало нужно купить глюкозу. – Пойду спрошу в булочной», – решил он.

Вернулся к дому с магазином, но магазина больше в этом месте не было – чистая стена. Алёк, не веря, погладил её рукой – голый кирпич. Он пошёл вдоль улицы, а метров через триста дома закончились и дорога вывела на пустырь, поросший пыреем. Пустырь был небольшой, дорога шла сквозь него, и за пустырём, метрах в ста, Алёк увидел часть каменного дома со срезанным углом, у которого был пристрой с нужной Алёке вывеской «АПТЕКА». А мимо аптеки по улице даже проходили горожане. «Наконец-то», – пробормотал Алёк и решительно двинулся вперёд. Он уже подходил к краю пустыря, как вдруг поперёк дороги обнаружился ров, бесконечно тянувшийся в обе стороны. Такие мальчик видел – в них строители укладывали трубы. Ров был неглубокий, в Алёкин рост, и казался не очень широким. Алёк подумал, что его можно легко перепрыгнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.